

Том III – 2014

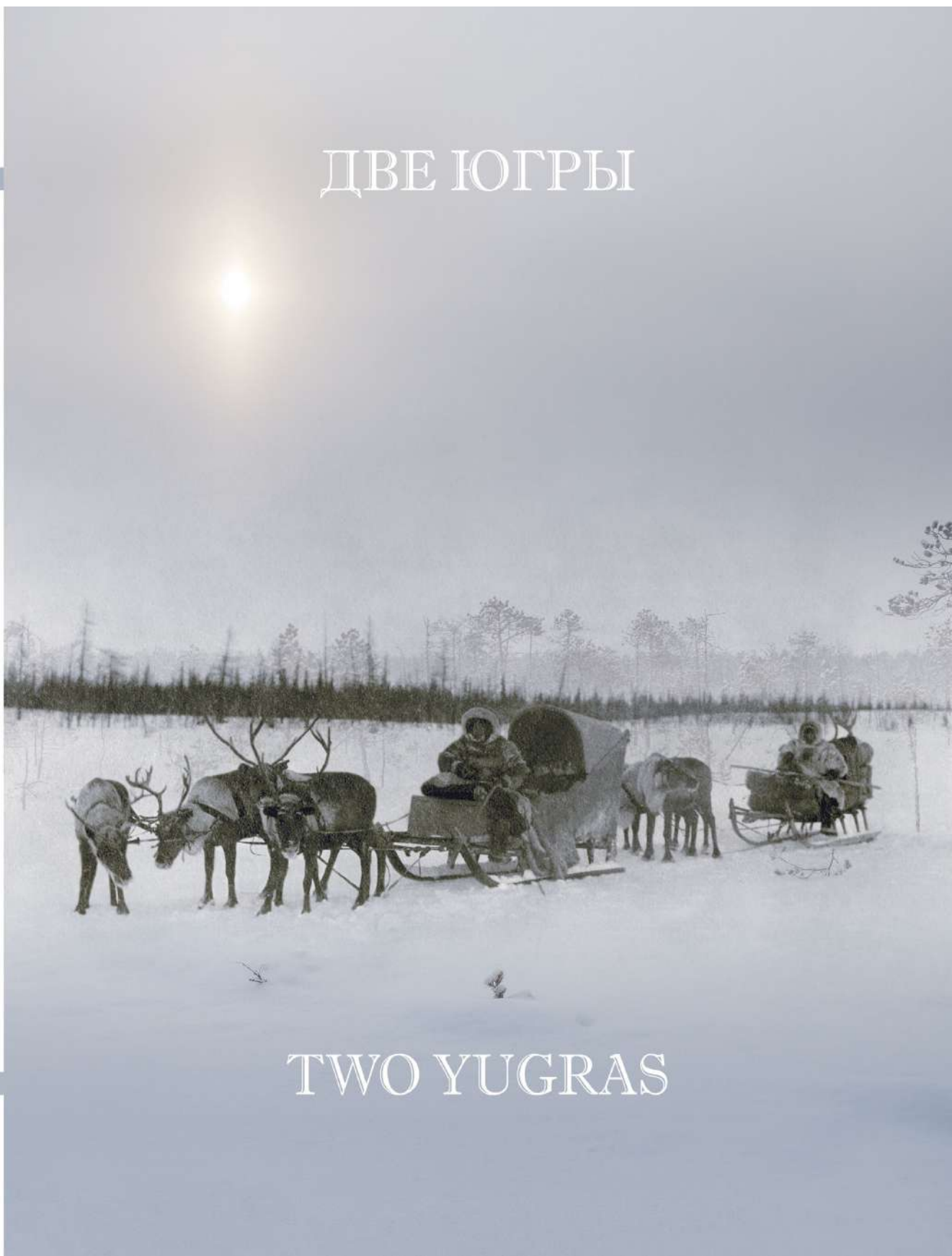
LAND of DIVERSITY

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Vol. III – 2014

ДВЕ ЮГРЫ

TWO YUGRAS

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

LAND of DIVERSITY

TCH

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

ДВЕ ЮГРЫ TWO YUGRAS

Том III / Volume III – 2014

Кочевка в верховьях реки Сосьвы зимой. Манси. 1909–1910
Camping in the upper reaches of the River Sosva in winter. Mansi. 1909–1910

Автор идеи и куратор проекта «Разная земля»:
С.С. Сардаров

Организационная и финансовая поддержка проекта:
ООО «ТСН» (Техника специального назначения)

Альбом «Две Югры»
издается в рамках проекта «Разная земля».

Концепция: К.Ю. Соловьева
Научный редактор: Д.А. Баранов

Автор: К.Ю. Соловьева
при участии Д.А. Баранова

Фотографы: А.В. Жилин (зимний период),
Д. Зильберман (летний период)

Разработка маршрута экспедиции 2012 года:
К.Ю. Соловьева

Дизайн: К.Ю. Соловьева, А.В. Жилин
Карты: О.В. Ганичева
Сканирование фотографий: Я.И. Андреева,
А.А. Любимова

Редактор: О.А. Федосеенко
Верстка, подготовка оригинал-макета к печати:
Т.Е. Иванова

Перевод на английский язык: Р.С. Смирнов
и Е.С. Петрова

Idea of the *Land of Diversity* Project originally put forward
by its Curator Sardar S. Sardarov

Organizational and financial support of the Project provided
by Special Purposes Machinery

Two Yugras
Album is published in the *Land of Diversity* Project

Concept by Karina Yu. Solovyeva
Scholarly Editorship by Dmitry A. Baranov

Texts written by Karina Yu. Solovyeva
with the participation of Dmitry A. Baranov

Photographs (contemporary part) by Den Zilberman (summer)
and Andrey V. Zhilin (winter)

2012 expedition route planning done
by Karina Yu. Solovyeva

Design by Karina Yu. Solovyeva and Andrey V. Zhilin
Flyleaf map prepared by Olga V. Ganicheva
Photographs scanned by Iana I. Andreeva
and Anna A. Liubimova,

Russian text edited by Olga A. Fedoseenko
Page and book layout prepared for print
by Tatyana Ye. Ivanova

Translated into English by Ruslan S. Smirnov
and Elena S. Petrova

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2014
© С.С. Сардаров, идея проекта, 2014
© К.Ю. Соловьева, тексты, 2014
© А.В. Жилин, фотографии, 2014
© Дэн Зильберман, фотографии, 2014
© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2014

ISBN 978-5-9501-0257-8

© Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, 2014
© S.S. Sardarov, Project Idea, 2014
© Karina Yu. Solovyeva, Texts, 2014
© A.V. Zhilin, Photographs, 2014
© Den Zilberman, Photographs, 2014
© Slavia, St. Petersburg, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие	8
Foreword	10
Две Югры: прошлое и настоящее	15
Two Yugras: the Past and Present	19
Югра в начале XX века	22
Yugra in the Early 20st Century	
Югра в начале XXI века	
Yugra in the Early 21st Century	
2012 год. Стойбище Тарлиных на реке Кирпвыс-юган	98
2012. The Tarlovs' <i>Stoibishche</i> Estate on the River Kirpvyis-Yugan	
2012 год. Стойбище Самбиндаловых на озере Турват	151
2012. The Sambindalovs' <i>Stoibishche</i> Estate on Lake Turvat	
Национальные поселки Югры	182
Tribal Settlements of Yugra	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проект «Разная земля», в рамках которого выходит очередное, третье издание – альбом «Две Югры», посвящен визуальной репрезентации культур и сообществ, живущих в разных природных и историко-культурных условиях и представляющих в определенном смысле альтернативную европейскому стилю жизнь. В фокусе внимания – человек, осваивающий земные пространства, и тот культурный ландшафт, который он создал с помощью ремесел, промыслов, обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира.

Способность воспринимать объекты и явления, «считывать» окружающие человека знаки и осмысливать их – всегда в человеческой культуре связано с особенностями восприятия путешественника. Именно путешествие дает возможность увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего». Поэтому в основе проекта «Разная земля» лежит этнографическая экспедиция как особое путешествие, своеобразная встреча во времени, где настоящее неразрывно соединено с прошлым, и это, в свою очередь, рождает предчувствие происходящего в будущем.

Главной целью проекта является пробуждение интереса к познанию себя и своей культуры, что возможно только через познание «другого» (по Лему – границы человека определяют Другие): прошлых исторических эпох, социальных сообществ, региональных и этнических традиций. Сложность заключается в том, чтобы репрезентация иных культур стала увлекательной и помогла читателю в Другом увидеть нечто близкое и важное.

Жанр альбома позволяет акцентировать внимание на наиболее ярких и запоминающихся образах культуры. Старые и современные фотографии с этнографическими комментариями дают возможность каждому совершить путешествие во времени и пространстве, погрузиться в разные культурные контексты, отстраниться от определенных стереотипов.

Проект формирует визуальные образы культур, «пропущенные» через объектив фотоаппарата, но претендовать на объективность эти образы не могут, так как сам процесс фотосъемки – это результат выбора, обусловленного как общим культурным контекстом, так и поставленными перед фотографом задачами, а также его интересами и жизненным опытом. В этом смысле содержание фотоальбомов является своего рода зеркалом интересов и предпочтений двух эпох – начала XX и начала XXI века.

Издание «Две Югры» посвящено обским уграм, хантам и манси, носителям яркой и самобытной культуры, зародившейся много веков назад на громадных пространствах Заполярного Урала, тундры и тайги Западной Сибири. Основными видами хозяйственной деятельности хантов и манси вплоть до 30-х годов XX века были охота и рыболовство, которые определяли как особенности промыслово-календарного цикла (начала охотничьего сезона, добычи рыбы и т.д.), так и культовой практики. Образы культуры обских угров, их прошлого и настоящего представлены в данном издании уникальными фотографиями первой трети XX века из собрания Российского этнографического музея и цветными фотографиями 2012 года.

Книгу открывает очерк, повествующий об особенностях традиционной культуры и мировоззрения хантов и манси, в основе которых лежат представления о неразрывной связи и взаимозависимости людей с окружающим миром: водой, землей, огнем, животными, растениями, звездами и т.д. Согласно представлениям обских угров взаимоотношения между ними и человеком могли быть как прямыми, так и опосредованными, контролируемые божествами и духами. Вера в существование могущественных духов побуждала к поиску способов, как добиться их расположения, что нашло отражение в ритуалах и обычаях, в сакральных (священных) предметах. Все это предопределило устойчивость многих повседневных и ритуальных практик, сохраняющихся и сегодня.

Первую часть издания составляют архивные материалы (выдержки из полевого дневника) и фотографии Сергея Ивановича Руденко, работавшего в 1909–1910 годах в экспедиции в Березовском уезде Тобольской губернии и собравшего бесценные коллекции по культуре северной группы хантов и манси (в т.ч. фотографии, приобретенные им у местного русского старожила И. Старикова). Также впервые публикуются снимки корреспондента музея И.К. Зеленова, побывавшего в 1908 году в Пермской и Тобольской губерниях у манси, и этнографа Е.П. Евладова, обследовавшего низовья Оби в 1927 году.

Представленные во второй части книги современные фотографии А.В. Жилина (зимний период) и Д. Зильбермана (летний период), а также полевые наблюдения, использованные в качестве комментариев к ним, сделаны в 2012 году во время двух экспедиций сотрудника музея К.Ю. Соловьевой, частично повторившей маршрут знаменитой экспедиции

С.И. Руденко к северной группе хантов и манси. Современная культура обских угров показана, главным образом, на примере жизни двух семей: хантыйской семьи Тарлиных и мансийской семьи Самбиндаловых. Также публикуются фотографии, отражающие жизнь хантов и манси Белоярского и Березовского районов, живущих в поселках и продолжающих сохранять отдельные элементы традиционной культуры.

Сопоставление временных срезов, интересов и приоритетов двух эпох предоставляют читателю возможность самому определить, насколько изменился современный человек и есть ли что-то общее, объединяющее людей через несколько поколений. Сопричастность к исследовательскому опыту каждого из авторов совершает то, что подвластно только фотографии: она навсегда оставляет открытыми мгновения, возвращая их не только современникам, но и адресуя будущим поколениям.

Д.А. Баранов, К.Ю. Соловьева

FOREWORD

The “Land of Diversity” series, of which this is the third volume published so far, aims at a visual representation of cultures and communities that live in different natural and historical-cultural landscapes and in a sense constitute an alternative to the European mode of life. It is focused on humans that open up distant lands, settle there and develop them, creating original cultural environments by means of indigenous occupations, arts and crafts, ritual practices and symbolic interpretation of the world surrounding them.

The ability to observe keenly the natural landmarks and phenomena and “read” the signs of the environment and understand them has always been associated in human culture with the traveller and their set of mind. It is travel that enables one to see in hindsight what is native and familiar as novel and striking, whereas the alien is seen through the prism of recognizing what is native and innate. For this reason the “Land of Diversity” series is based on the ethnographic expedition as a special kind of travel, a peculiar encounter in time where the present is inextricably linked with the past, which, in its turn, gives rise to premonitions of future happenings.

The main goal of the project is to arouse an interest in knowing your own self and your own culture, which is only possible through rationalizing “the others” (according to Stanislaw Lem, a person’s confines are defined by “Others”) – the past historical epochs, social communities regional and ethnic traditions. The crux is to make the presentation of different cultures thrilling so as to help the reader to see something intimate and significant in that “Otherness”.

The photographic album genre makes it possible to concentrate attention on the most dazzling and memorable features of the culture observed. The old and present-day snapshots provided with ethnographic comments enable anybody to make a journey through time and space and find oneself immersed in different cultural contexts, thus cleansing one’s mind of certain stereotypes.

The project moulds visual representations of cultures as seen through the camera lens, but it cannot be claimed that the im-

ages themselves are absolutely objective because the photographic process itself is a result of the options conditioned by both the general cultural context and the particular tasks set to the photographer, as well as by that person’s interests and life experiences. In this sense the content of our photographic album is a mirror reflecting the interests and preferences of the early 20th and early 21st centuries.

“Two Yugras” is an art book devoted to the two Ugric peoples of the Ob – the Khanty and the Mansi, who represent a rich and original culture that came into being many centuries ago on the vast expanses of the Transpolar Urals and the tundra and taiga of West Siberia. Until the 1930s the main occupations of the Khanty and Mansi were hunting and fishing, which underpinned both the pattern of their yearly work calendar (commencement of shooting and fishing seasons) and their cult practices. Glimpses of the Ob Ugric culture, past and present, in this album come from the unique photographic collections of the Russian Museum of Ethnography dating from the first third of the 20th century and from colour photographs taken in 2012.

The book opens with an essay about the peculiarities of the Khanty and Mansi traditional culture and world view, which are based on notions of inextricable connection and interdependence between human beings and the world round them – the water, land, fire, animals, plants, stars, etc. According to the Ob Ugric people’s beliefs, the relations between humans and the environment could be both direct and mediated, controlled by deities and spirits. Their belief in mighty spirits impelled them to seek for ways of winning their benevolence, which found reflection in rituals, customs and sacred objects. All this conditioned the steadfastness of their everyday and ritual customs, which survive to this day.

The first part of the publication consists of archive materials (excerpts from a field journal) and photographs collected by Sergei I. Rudenko, who worked in the field expedition of 1909 to 1910 in the Berezovski Uyezd of the Tobolsk Gubernia and amassed priceless collections on the culture of the northern group of the Khanty and Mansi (including the photos he pur-

chased from a local Russian old-timer named I. Starikov). Published also for the first time are the snapshots made by the Museum correspondent I.K. Zelenov, who visited the Mansi in the Perm and Tobolsk Gubernias in 1908, as well as pictures taken by ethnographer E.P. Valdayev, who explored the lower reaches of the Ob in 1927.

The second part of the book contains present-day snapshots by A.V. Zhilin (winter time) and by D. Zilberman, as well as the field observations used as comments made in 2012 by K.Yu. Solovyeva, staff member of the Museum, who partially repeated the route of the famous expedition to the northern group of the Khanty and Mansi by S.I. Rudenko. The modern life and culture of the Ob Ugric people is chiefly shown by the example of two families: the Tarlin Khanty household and the Sambindalov

Mansi family. Besides them, the second part includes pictures of the life of some Khanty and Mansi residing in urban-type settlements in the Beloyarsk and Berezovsky districts and preserving some elements of their traditional culture.

Comparing the two slices of time, the interests and imperatives of the two epochs, gives the reader an opportunity to judge by themselves how much humans have changed today and to decide whether there is still anything in common that unites them with representatives of several generations ago. Each of the writers' personal participation and involvement makes it possible what photography alone can do – capture and leave unfinished instants of the past, not only returning them to their contemporaries, but also addressing them to generations to come.

D.A. Baranov, K.Yu. Solovyeva

ДВЕ ЮГРЫ:

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Югра – так в XI веке русские первопроходцы называли народы, жившие в Северном Зауралье и низовьях Оби, и населяемую ими территорию. В русских летописях того периода упоминается о предприимчивых купцах с новгородской земли, которые дошли до этих территорий для сбора дани – мехов соболей, горностаев, песцов и белок, спрос на которые на Руси и в Европе и в то время был весьма высок. Народы Югры в дальнейшем (приблизительно с XVI века) стали более известны под названиями «остяки» и «вогулы». В XIX веке, когда появилось понятие «угорские языки и народы», возник новый термин – «обские угры», подчеркивающий отличие остяков и вогулов от венгров, ближайших их родственников по языку. После революции, в 1930-е годы, за обскими уграми (остяками и вогулами) закрепились само-названия этих народов: «ханты» и «манси» (что переводится как «человек»).

«Две Югры» – метафора, обозначающая как территорию, так и населяющие ее народы. Это – образ, представляющий прошлое и настоящее двух коренных народов Приобья – хантов и манси, их нелегкий путь по отстаиванию права на сохранение приоритетов традиционного природопользования и своей самобытной культуры (сегодня их численность составляет около 2% от всего населения Ханты-Мансийского автономного округа, т.е. приблизительно 30 тысяч человек).

Первые и наиболее полные коллекции по культуре хантов и манси были собраны для Этнографического отдела Русского музея Александра III (в настоящее время – Российский этнографический музей) его корреспондентом, студентом Санкт-Петербургского университета Сергеем Ивановичем Руденко, во время экспедиции в 1909–1910 годах на Тобольский Север. Особую ценность представляют фотографии: известно, что во время экспедиции Руденко использовал более 50 дюжин стеклянных пластинок для негативов, которые он проявлял непосредственно на местах съемок; всего им было отснято более 600 фотографий. Поразительно, что

большая часть столь хрупкого материала была доставлена в Петербург в полной сохранности, ведь за девять месяцев своей работы в Березовском уезде исследователь преодолел сотни километров, в основном передвигаясь на лодке или нартах. Все это ярко и живо описано в его полевом дневнике, фрагменты которого представлены в книге в качестве комментариев к снимкам.

Спустя сто лет участники двух других экспедиций, проходивших в феврале–марте и августе–сентябре 2012 года, частично повторили маршрут С.И. Руденко¹. Им удалось побывать в нескольких стойбищах и поселках на реке Казым у северных хантов, а также у северных манси – на реке Сосьве от Березова до предгорий Урала (протяженность маршрута составила около полутора тысяч километров). Как и в начале XX века, ханты и манси, стремящиеся сохранить традиционные виды хозяйственной деятельности, живут в труднодоступных и удаленных от основных магистралей и поселков местах, куда можно добраться зимой только на снегоходах «Буран», а летом – на лодках или пешком через болота.

Издавна ханты и манси осваивали необъятные пространства предгорий Урала, тундры и тайги Западной Сибири, бассейны рек Оби и Иртыша и их многочисленных притоков. В XIX – начале XX века огромной по площади территорией расселения определилось и формирование их этнических групп, которые принято выделять по лингвистическому принципу. У хантов – это северная (казымская), восточная (население, проживающее на реках Юган, Пим, Тромаган, Аган, Вах и Васюган) и южная (иртышская). У манси известны четыре группы, проживающие в бассейне реки Оби: северная группа – на Оби, Северной Сосьве, Ляпине, Вогулке, восточная – на Конде, западная – на Пельме, Лозьве, южная – на Тавде.

Жизнь охотников, рыболовов и оленеводов была максимально адаптирована к суровым условиям Севера. Осознавая себя частью природы, они издревле регулировали свои

отношения с ней посредством разумной добычи и потребления ее ресурсов. В зависимости от территории проживания ведущая роль в хозяйственной деятельности принадлежала либо охоте, либо рыболовству. Оленеводство так называемого таежного типа, для которого характерны небольшие размеры стад, имело в основном транспортное значение. Особое место среди хозяйственных занятий манси занимало коневодство и разведение рогатого скота.

Охота, преобладавшая у населения верховий рек, имела как пушную, так и мясную направленность. Охотничий сезон начинался в сентябре с промысла ондатры и боровой дичи. У каждой семьи в лесу были свои охотничьи избушки на ближних угодьях (располагавшихся в 20–30 километрах от селений, где охотились в течение ноября–декабря) и дальних (где промышляли с января по март). Лисиц сначала гоняли по малому снегу, затем зимой на них ставили капканы, били ружьями. Лосей забивали в сентябре–октябре, потом охотились в марте, по насту. Охота на лося была коллективной. Пушнина, добываемая охотниками, шла не только на уплату ясака (дани); часть ее обменивалась на ружья, ткани, металлические изделия, продукты питания, поставляемые купцами.

В среднем течении Оби у хантов и манси была широко распространена ловля уток и гусей перевесами. Этот преимущественно весенний промысел начинался с прилетом птиц. Он был достаточно прибыльным – каждая семья за сезон ловила до пятисот уток.

Рыболовство как главное занятие преобладало среди населения, проживавшего в низовьях богатых рыбой крупных рек (Оби, Северной Сосьвы). В мае, после схода льда, широкие протоки перегораживали, в небольших ставили ловушки («морды»), в озерах и старицах промышляли сетями. Со спадом воды устанавливали запоры, в которых ловили плетеными ловушками, сетями или неводами; в конце июля–августе добывали рыбу бригадами из трех–семи человек.

Основой общества были семья и поселок («сорт» – у манси, «горт» – у хантов). В традиционной жизни взаимоотношения мужчины и женщины в семье были четко определены. Семья была патриархальной: главой ее считался мужчина, родство велось по мужской линии. Традиции предписывали женщине определенный порядок поведения: в хантыйских семьях соблюдался обряд «избегания» – молодая женщина, придя в дом мужа, обязана была закрывать свое лицо платком от мужчин, родственников мужа.

Большая часть хантов и манси вела полуседлый образ жизни. До недавнего времени существовала устойчивая

система землепользования с постоянным или длительным закреплением промысловых угодий за семьями или группами родственных семей. Промысловые угодья включали в себя территорию, необходимую для рыболовства и охоты, а также зимние и летние олени пастбища. В пределах промысловой территории совершались регулярно повторяющиеся миграции. Поэтому каждая семья имела стационарные жилища (зимний и летний срубы) и временные (каркасные, чаще переносные).

Традиционная планировка и убранство жилища сохраняются до сих пор в семьях, придерживающихся традиционного образа жизни. Например, у хантов большую часть внутреннего помещения занимают нары; справа от входа помещают полки для посуды, слева находится печь – старинный глинобитный очаг «чувал» (сейчас – «буржуйка»), – на которой готовили пищу, ею же обогревали помещения. Новые члены семьи, новорожденные, помещались в колыбели, которую подвешивали к потолку на крюках. Предметы домашнего обихода изготавливались из местных материалов: бересты, дерева, рыбьей кожи, оленьего меха и ровдуги.

Главной пищей были рыба и мясо. Рыбу ели сырую (свежую и мороженую), вареную, вяленую, жареную и сушеную. Из внутренностей вытапливали рыбий жир, который употребляли с ягодами, рыбой и мучными изделиями. Основным источником мяса были крупные промысловые звери: лось и дикий олень. Боровую и водоплавающую дичь ели как в сыром, так и в вареном виде. Грибы в пищу не употребляли, их считали «нечистыми» (это был олений корм). Многие курили, нюхали и сосали табак.

Хантыйские и мансийские мастерицы шили одежду из различных материалов: оленьего меха, птичьих шкурок, пушнины, овчины, ровдуги, сукна, крапивного или льняного холста, хлопчатобумажной ткани. Одежду и старые вещи никогда не выбрасывали: по традиции их уносили в тайгу и подвешивали к деревьям.

В пространстве носителей традиционной культуры было все равнозначно и сакрально: любой предмет был многофункционален, он имел не только утилитарное значение, но и выполнял определенные символические функции. Мир мужских и женских вещей был всегда разделен: например, до сих пор женщина никогда не притронется к инструментам отца или мужа, не сядет в мужскую нарту или лодку и т.д.

Одновременно вещь выступала и как жертва божествам: природная среда на микро- и макроуровне персонифицировалась в образах мифологических существ, покровителей промыслов и территорий (семьи, рода, локальных групп).

Согласно традиционным представлениям вся земля, реки и озера были поделены между духами – хозяевами воды и леса, которые обеспечивали людей рыбой, мясом, пушниной. Их почитали и как духов-предков: от них зависела жизнь и благополучие людей. Считалось, что с момента рождения человек получал тело от матери, а душу – от верховного божества (например, у северных хантов – от богини Калтась) и таким образом находился во власти самых разнообразных сил². Личные и семейные духи-охранители сопровождали человека всю его жизнь, их изображения (как и амулеты) тщательно оберегались, хранились в доме, им приносили жертвы.

Вера в существование могущественных духов побуждала искать способы, как добиться их расположения. Свообразным феноменом культуры хантов и манси до сих пор являются святилища, культовые места, где проводятся обряды, прежде всего, промысловые.

Особое место в культуре обских угров занимает культ медведя и связанные с ним медвежьи игрища (или медвежий праздник), проводившиеся периодически – по случаю добычи медведя, приуроченные к началу зимнего солнцестояния или ко дню весеннего равноденствия. Длелись они в течение нескольких дней: пять дней, если добывали медведя, четыре – медведицу. В медвежьих игрищах нашли отражения представления о медведе как о мифическом предке и в то же время проявлялось отношение к нему как к промысловому животному. В песнопениях, исполнявшихся на игрищах, излагались мифы о происхождении богов и мира, объяснялись обряды, традиции, также разыгрывались различные сцены из жизни. В настоящее время медвежьи игрища, проходящие в отдаленных районах округа по случаю добычи медведя и собирающие вместе исполнителей песен с разных мест (в основном – это люди старшего поколения), по-прежнему являются одним из важных событий современной жизни хантов и манси, объединяющих разные социальные группы: интеллигенцию, жителей национальных поселков, стойбищ.

В начале XXI века Югра, известная до недавнего времени далеко за пределами России в основном своими природными богатствами – нефтью и газом, становится символом созидательного взаимодействия современной жизни нефтяников и газовиков с одной стороны и носителей традиционной культуры с другой. Большая заслуга принадлежит в этом национальной интеллигенции хантов и манси. Именно она с конца 1980-х годов стала активно влиять на сложение новых общественных и политических сил в регионе и во многом способствовала как восстановлению связей между коренными этносами, так и созданию новых общественных

и государственных институтов: Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов в г. Ханты-Мансийске, музеев в различных национальных поселках. Музеи округа стали не только центрами по сохранению и популяризации культуры, но и ценным источником передачи культурной информации, на их базе проводятся праздники, выставки, ярмарки. Для детей организуются летние «Этнокультурные стойбища», где они получают практические навыки и знания как от носителей культуры (мастериц, охотников и т.д.), так и от специалистов-этнографов³.

Происходит постепенная интеграция традиционных отраслей в систему новых экономических отношений. Создаваемые национальные общины (например, Рахтынья в поселке Северная Сосьва) возрождают традиции артельного рыболовства, поддерживают кустарные промыслы. Часть представителей коренных народов, таких, как хантыйская семья Тарлиных или мансийская семья Самбиндаловых, выбирает жизнь на стойбище, продолжая традиции предков. Станет ли пример этих семей гарантом сохранения традиционной культуры для будущих поколений обских угров – покажет время. Но тот мощный импульс, который заложен предыдущими поколениями, во многом определяет жизнестойкость культуры народов Югры и еще раз подтверждает непреходящие ценности истоков и традиций, создающих то культурное и природное пространство, где освоение и созидание гармонично проявляются в своих действиях.

К.Ю. Соловьева

¹ Состав экспедиции: заведующая отделом фотографии РЭМ К.Ю. Соловьева (руководитель экспедиции), фотографы А.В. Жилин (зимний период), Д. Зильберман (летний период). Экспедицию удалось осуществить благодаря финансовой поддержке С.С. Сардарова.

² Мифология хантов / Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А. / Научн. ред. В.В. Напольских. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000.

³ См. подробнее: Карапетова И.А., Соловьева К.Ю. Культура хантов в постсоветский период: тенденции развития и особенности адаптации // Музей, традиции, этничность. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. – СПб.: Кишинев, 2002. – С. 215–219.

TWO YUGRAS :

T H E P A S T A N D P R E S E N T

Yugra was the name given by the eleventh-century Russian pioneering explorers to the peoples that lived in the North Urals and in the lower reaches of the River Ob, as well as to the territory they inhabited. The Russian chronicles of the period mention enterprising merchants from the land of Novgorod, who reached the territory to levy a tax in the form of pelts of sables, ermines, blue foxes and squirrels, demand for which had already soared in Russia, let alone Europe. Later on (approximately from the 16th century) the peoples of Yugra became better known as “Ostiaks” or “Voguls”. In the 19th century, when it became customary to speak of the Ugric languages and peoples, the term Ob Ugric was coined in order to distinguish the Ostiaks and Mansi from the Hungarians, with whom they have the closest linguistic affinity. After the revolution of 1917, in the ‘30s, the Ob Ugric peoples (Ostyaks and Voguls) adopted their own names for themselves: the Khanty and the Mansi (which translate as “man”/ “human”).

“Two Yugras” metaphorically denotes both the territory and its population. The title implies also the past and present of the Ob Khanty and Mansi peoples, their hard struggle to protect their right for the traditional use of environment and for their original culture (today they number approximately 30 thousand or about only 2% of the total population of the Khanty-Mansi Autonomous Area).

The first and most comprehensive collections on the culture of the Khanty and Mansi were gathered for the Ethnography Department (now the Russian Museum of Ethnography) by its correspondent Sergei I. Rudenko, student of St. Petersburg University, in the course of his expedition to the North Tobol in 1909 to 1910. Especially valuable are his photographs: he is known to have used over 50 dozen photographic glass plates, which he developed on the spot, having taken over 600 pictures. It is amazing that the majority of this very fragile material was safely brought to Petersburg, although Rudenko covered hundreds of kilometers in small boats or dog sledges. His travels are described

in a lucid, lively manner in his field journal, some excerpts from which are cited in the book as comments for the snapshots.

A hundred years later participants in two other exhibitions that took place in February-March and August-September 2012, partly repeated Sergei I. Rudenko’s route¹. They succeeded in visiting several camps and settlements of the Northern Khants on the River Kazym and of the Northern Mansi on the River Sosva from Berezovo to the Urals foothills (the length of the route was about fifteen hundred kilometers). As in the early 20th century, the Khanty and Mansi who want to keep their traditional occupations still live in localities that are difficult of access and far away from major transport routes and populated areas, where you can only get by snowmobile in winter or by boat or on foot across marchlands in summer.

Since time out of mind the Khanty and Mansi have been exploring and making habitable for themselves the immense expanses of the foothills of the Urals, the tundra and taiga of West Siberia, the basins of the Ob and the Irtysh and their numerous tributaries. In the 19th to the early 20th century it was the hugeness of the area they populated that was responsible for the formation of their ethnic groups, which are usually classified by linguistic criteria. The Khanty fall into the north (Kazym) group, the east Khanty (those populating the Rivers Yugan, Pim, Tromagan, Agan, Vakh and Vasiugan) and the south (Irtysh) group. For the Mansi, four groups are distinguished, all living in the basin of the Ob and its tributaries: the northern one on the Ob, Severnaya Sosva, Liapin and Vogulka, the eastern group on the Konda, the western one on the Pelym and Lozva and the southern on the Tavda.

The life of hunters, fishers and reindeer herders was adapted as much as possible to the severe northern conditions. Conscious of being part of nature, they had always controlled their relations with it by sensibly using its resources and by restraining consumption. Depending on the locality, the leading role in the economy was played either by hunting or by fishing. Their taiga-

type herding was based on small herds as the animals were chiefly used for transportation. Horse and cattle breeding occupied a special place in the Mansi economy.

Hunting, practiced predominantly by the communities living in the upper reaches of the rivers, was both for fur and game. The hunting season usually began in September with musquash and forest game shooting. Each family had a forest hut on nearby grounds (20 to 30 km away from the settlement) and on faraway grounds (for January to March). Foxes were first chased over shallow snow; later in winter they set snares for them and shot them. Elks were hunted for in September-October, and later in March, on a thin crust of ice over the snow. Elk hunting was done collectively. Pelts that the hunters obtained were used not only to pay the tribute; some of them were exchanged for shotguns, textiles, ironware and foodstuffs brought by merchants.

Catching ducks and geese with nets was widely practiced by the Khanty and Mansi that lived in the middle reaches of the River Ob. It was a predominantly springtime occupation that began as soon as the ducks returned. It was fairly profitable, for one family could catch up to five hundred ducks per season.

Fishing as the economy mainstay was predominant where people lived in the lower reaches of large rivers rich in fish (such as the Ob or the Severnaya Sosva). In May, after ice cleared, small streams were partitioned and in small ones *morda* woven snares were placed, whereas in lakes and former river beds fishing was done with nets. As the water receded, they would install fences and catch fish with woven basket-like snares, nets or dragnets; in late July and August fishers worked in groups of three to seven.

The basis of society was the family and settlement (called "sort" by the Mansi and "gort" by the Khanty). The relations of the man and woman in the family were clearly defined. The family was patriarchal – with agnate kinship and headed by the husband. Tradition prescribed women a definite pattern of behavior with a custom of avoidance: a young woman joining her husband's family was supposed to hide her face with a kerchief from her husband's male relatives.

The majority of the Khanty and Mansi led a semi-settled life. Until recently they had a stable system of land use, whereby their own livelihood grounds were assigned for permanent or long-term use to families or groups of related families. The grounds included territories needed for fishing and hunting, as well as winter and summer pastures for their reindeer. Regularly recurring migration took place within the livelihood grounds. For this reason each family had stationary homes (a winter log-house and a summer log-cabin) and temporary ones (frame houses, portable ones for the most part).

Families that still adhere to the traditional way of life have preserved the customary layout and decoration of the interior. For example, in the Khanty homes most of the space inside was occupied by plank beds; to the right of the entrance there were shelves for kitchenware and on the left stood the stove – an old pisé hearth called "chuval" (nowadays replaced by a "burzhuika" cast iron stove), which was used for cooking and heating the home. New members of the family, newborn infants were put into cradles suspended from hooks in the ceiling. Household utensils were made of local materials, such as *beresta* birch bark, wood, fish skin, reindeer fur and suede.

The staple food was fish and meat. Fish was eaten raw (fresh or frozen), boiled, dry-cured, fried or dry. From the offal, fish oil was rendered, to be used with berries, fish and baked products. Meat came chiefly from larger game like elk and reindeer. Forest game and water fowl were eaten either raw or boiled. Mushrooms were regarded as inedible as they were thought to be "unclean" (they were reindeer's food). Many of the Yugra people were in the habit of smoking, sniffing or sucking tobacco.

The Khanty and Mansi female garment makers made clothes of various materials, such as deer fur, fowl pelts, fur, ship skin, reindeer skin suede, worsted, nettle or flaxen sackcloth and cotton cloth. Old clothes and things were never thrown away: it was traditional to take them into the taiga and hang them from the trees.

In the world of the followers of traditional culture everything was of equal value and sacral: every object was multi-functional, performing certain symbolic functions in addition to its utilitarian purpose. The sectors of men's and women's belongings are always separated: even these days, for example, a woman will never touch the tools of her father or her husband and will never take a seat in a sledge or boat designed for men and so on.

An object simultaneously acted also as a sacrifice to deities: the natural environment at the micro- and macro-levels found embodiment in images of mythological creatures who patronized different trades and activities and particular territories (of the family, tribe, local groupings). In accordance with the traditional beliefs, all the land, rivers and lakes were divided between spirits – who owned the water and forest and who provided humans with fish, game and fur. They were treated with veneration, as were the spirits of ancestors, for the life and wellbeing of humans depended on them. It was believed that since birth the child received flesh and body from his mother and his soul from the supreme deity (from goddess Kaltas, according to the beliefs of the northern group of the Khanty) and was therefore under the authority of most diverse forces². The personal and family

patrons of the human were believed to accompany the human throughout their life; therefore their images (and mascots) were carefully preserved, kept at home, with regular offerings to them.

The belief in the might of the spirits impelled people to look for ways of befriending them. A peculiar phenomenon in the culture of the Khanty and Mansi is their characteristic sanctuary, where traditional rituals have been held to this day. Among the cult rituals conducted at such places those devoted to fishing and hunting are predominant. The cult of the bear plays a special role in the culture of the Ob Ugric peoples and the bear games (or bear festival) connected with it have been held periodically or on the occasion of a bear trophy or timed to the beginning of the winter solstice or the spring equinox. The festivities lasted for several days: for five days if a male bear was in the bag and for four days if a female beast was. The bear festivities reflect both beliefs in the bear as a mythical ancestor and admiration for it as a big hunting trophy. The songs that were customarily sung in the festivities contained local myths on the genesis of the world and deities, as well as explanations of various traditions and rites; additionally, skits from everyday life were performed. Nowadays, the bear games held in the faraway parts of the National Area to celebrate a bear trophy are still an important feature of the life of today's Khanty and Mansi as they attract singers (mostly representatives of the senior generation) from different places, uniting as they do different social groups: the intelligentsia, inhabitants of ethnic settlements and herders from pasturing camps.

At the beginning of the 21st century, Yugra, which until recently was known far and wide abroad primarily for its natural resources – oil and natural gas, – is becoming a symbol of constructive cooperation between the oil and gas industry people on the one hand and the bearers of the traditional indigenous culture on the other. Credit for that is due to a great extent to the national intelligentsia of the Khanty and Mansi. It was the intelligentsia that since the late 1980s had actively influenced the formation of new public and political forces in the region and was in many respects instrumental both in the process of restoring links between the two indigenous ethnoses and in the creation of these new public and state institutions: the Research Institute for the Renaissance of the Ob Ugric Peoples in Khanty-Mansiisk and several museums in different indigenous settlements. The museums in the National Area became not only centers for the preservation and popularization of culture, but also important information sources for storage and dissemination of cultural information: on their bases various festivals, exhibitions and fairs are organized. For children they run summer “Ethno-

cultural Camps”, where the youngsters learn practical skills and traditional knowledge both from bearers of the indigenous culture (garment makers, hunters, etc.) and from expert ethnographers³.

Today a gradual integration is under way of the traditional trades and industries into the system of new economic relations. The national communities being created (e.g. “Rakhtynya” in the settlement of Severnaya Sosva) are reviving the traditions of artel fishing and support indigenous crafts. Some representatives of the indigenous peoples, such as the Khanty Tarlin family or the Mansi Sambindalov family, opt for living in *stoibishche* camps, in continuation of their ancestral tradition. Whether the examples of these families can safeguard the preservation of the indigenous Ob Ugric tradition for future generations is for Time to show. But the powerful impetus provided by the past generations is responsible for the vitality of the Ob Ugric peoples' culture and reaffirms once again the imperishable values of sources and traditions that create a cultural and natural landscape in which development and creation are harmoniously manifest.

K.Yu. Solovyeva

¹ Expedition members: K.Yu. Solovyeva (Leader), Head, Photography Department, Russian Museum of Ethnography; Photographers A.V. Zhilin (winter period) and D. Zilberman (summer period). The expedition became possible owing to financial support by S.S. Sardarov.

² Mythology of the Khanty /V.M. Kulemzin, N.V. Lukina, T.A. Moldanov/ Sc. editor V.V. Napolskikh. Tomsk University Publishers, Tomsk, 2000.

³ For more details see: I.A. Karapetova, K.Yu. Solovyeva. The Khanty Culture in the Post-Soviet Period: Development Trends and Peculiarities of Adaptation//Museum, Traditions and Ethnicity. Materials of International Conference Devoted to the 100th Anniversary of the Russian Ethnography Museum in SPb. Kishinev, 2002, pp. 215–219.

[...] Крылатая Калм отправилась к своему отцу, [...] Нум-Торуму, и говорит:
– Землю ты укрепил. Теперь нужно сделать человека.
Нум-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:
– Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.
[...] После этого Нум-Торум позвал Топал-ойку, приказал ему сделать человека.
Топал-ойка вырубил из лиственницы семь человеческих фигур. За это время Хуль-отыр вылепил из глины семь человеческих фигур.
[...] Нум-Торум говорит:
– Глиняных людей отнеси к нашей сестре Калтась-эква. [Отец] души для них отдал ей. Пусть она их оживит.
Топал-ойка [] пришел, говорит ей:
– Сестра, этих людей сможешь оживить?
– Оживлю, – отвечает Калтась-эква, – только ты отсюда уходи.
Топал-ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом быть нельзя.
Глиняные люди стали живыми. Только век их недолог [...]. В воду упадет человек – тонет, жарко станет – из него пот выступает.
Когда люди на земле появились, Крылатая Калм [...] сказала [Нум-Торуму] так:
– [...] Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прикроют от холода свои тела?
[Нум-Торум] так ответил:
– [...] Лети обратно на землю. В тайге, в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болота, в тундру я пушцу оленей. Там они будут жить, пищу для себя искать, и люди пусть ходят туда на промысел.

Из кн.: Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 298, 299.

Стадо оленей около чумов зимой. Ханты. 1909–1910
A herd of reindeer next to *chum* tents in winter. Khanty. 1909–1910

Крылатая Калм – мифический персонаж, передающий приказы верховного божества. Топал-ойка и Хуль-отыр – братья, которые после создания людей из дерева и глины поменялись ими. Глиняные изображения, одушевленные верховным божеством Нум-Торумом и духом, дарующим детей и определяющим срок жизни человека Калтась-эквай, превратились в людей, более долговечные деревянные – в менквов, лесных духов.

Из кн.: Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 533, 552–555.

[...] Winged Kalm came to her father, [...] Num-Torum, and said,
'You have strengthened the earth. Now man should be made.'
Nut-Torum raised his eyes and looked at his daughter.
'I will make a man and send him down to the earth for you to bring him to life.'
[...] After that Num-Torum called Topal-oika and ordered him to make a man.
Topal-oika chiseled seven human figures out of larchwood. Meanwhile Khul'-Otyr moulded seven human figures out of clay.

[...] Num-Torum said,
'Take these clay figures to our sister Kaltas'-Ekva. [Father] has given her the souls for them. Let her bring them to life.
Topal-oika [...] came to her and said,
'Sister, can you bring these people to life?'
'I can,' said Kaltas'-Ekva, 'but you are to leave here.'

Topal-oika left. Ever since, men have not been permitted to stay around children being born.
Clay figures became alive. Only their lifespan was short [...]. Should they fall into the water, they would drown; should it become hot, they would drip with sweat.

When these human beings appeared on the earth, Winged Kalm [...] said thus [to Num-Torum],
'Now tell me, what are they going to feed on, what are they going to cover their bodies with against the cold?'
[Num-Torum] answered thus,
'[...] Fly back to the earth. In the taiga, in the wildwood, there will be a lot of animals with branching antlers; I will release reindeer into the swampland, into the tundra. They shall roam there, and forage for food, and people shall go hunting there.'

(See: The Khanty and Mansi Myths, Legends and Folktales.
Moscow, Nauka, 1990. Pp. 298, 299).

Winged Kalm is a mythical character, messenger of the supreme god. Topal-oika and Khul'-Otyr are brothers who made human figures out of wood and out of clay and then exchanged them. The clay figures, brought to life by Num-Torum, the supreme god, and Kaltas'-Ekva, the spirit that sends children and determines lifespans, turned into human beings; the more lasting wooden figures turned into *menkvs*, the sylvan spirits.

(See: The Khanty and Mansi Myths, Legends and Folktales. Moscow, Nauka, 1990. Pp. 298, 299, 533, 552-555).

Изображения духов-покровителей на священном месте на реке Оби. Ханты. 1909–1910

Representations of patron spirits in a sanctuary on the River Ob. Khanty. 1909–1910

По мере продвижения на север, сначала вниз по Иртышу, затем по Оби, дни становятся все длиннее и водные просторы все более ширятся. Местами вешняя вода затопила низменные берега и леса; на горизонте видны только узкие полоски суши и растительности. Чем ближе к Березову, тем труднее ориентироваться во времени. Наконец ночь почти совсем исчезает. Солнце скрывается всего на два часа, причем и в это время настолько светло, что без труда можно читать и писать даже в помещении.

После жаркого дня наступает теплый вечер. Пырсим и его узкие разветвления, поросшие цветущими ивняками и черемухой, едва можно было узнать после первой моей поездки – так все изменилось за две недели. Распустилась листва, выросла густая и высокая трава, все было в цвету. Вечер был так тепл, что не верилось, будто находишься на суровой Оби. Воздух благоухал, пели певчие птицы, по временам, потревоженные всплеском весла, взлетали парочки уток или с гоготанием – пары гусей. Заходящее солнце озаряло небосклон яркими красками – от пурпурного до кроваво-желтого и золотистого цветов. Впечатление от езды на оленях исключительно хорошее, особенно при лунном свете и буране [...] Ветер несет над землей мелкую снежную пыль, ярко освещенную полной луною. В этом фосфорическом свете хорошо видны олени, нарты же с вещами, которая едет перед нами, не видно.

Руденко С.И. Угры и ненцы Нижнего Приобья. Путевые заметки. 1909–1910 гг. Архив отдела Сибири и Дальнего Востока, Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

As one travels further northwards, first down the Irtysh and then down the Ob, days are getting longer and the water expanses vaster. Here and there seasonal streams have flooded the holms and forests; nothing but narrow strips of dry land covered with vegetation can be seen on the horizon. The closer to Beryozovo, the harder it is to figure the time. At last, nights are almost gone altogether. It is for a mere two hours that the sun remains down behind the skyline; even so, it is so light then that one can easily read and write even indoors.

After a hot day, a warm evening sets in. The Pyrsim and its narrow bifurcations, overgrown with ivies and bird cherries in blossom, have become almost unrecognizable since my first trip because everything has changed so much over the fortnight. Lush foliage appeared, the grass has grown tall and dense. The evening was so warm that that it seemed unbelievable that you were on the bank of the severe Ob. The air was filled with fragrance, songbirds were singing, at times up into the air went couples of ducks disturbed by a splash of the oar, or pairs of geese took wing with a gaggle. The setting sun was illumining the sky with bright colours – from purple to red-yellow and golden.

Riding in a reindeer-drawn sledge is exceedingly enjoyable, especially in moonlight and snowstorm. [...] The wind is raising minute snow dust, which is brightly illuminated by the full moon. In this phosphorescent light, the reindeer can be seen very clearly, but the sledge with belongings, which rides in front of us, is barely visible.

Rudenko S.I. Ugric and Nenets Peoples of the Lower Ob Region. Travel Notes. 1909–1910 (Russian Ethnographic Museum, Archives of the Dept. of Siberia and the Far East)

Летние юрты (поселение) на берегу реки Сосьвы. Манси. 1909–1910
Summer *yurta* tents (settlement) on the bank of the River Sosva. Mansi. 1909–1910

Река Обь. Норомы (вешала) для просушки сетей. 1909–1910
River Ob. *Norom* racks for the drying of nets. 1909–1910

Здесь я впервые познакомился с вогульской лодочкой-однодеревкой, чрезвычайно удобной и легкой для плавания. С одним веслом я легко проплыл несколько километров, до ближайших перевесов на островке и обратно.

It is here that I first sailed in a Vogul log boat, which is exceptionally convenient and easy to steer. Using one oar, I easily covered several kilometers to reach the nearest ducking nets on a small islet and return.

На лодках. Ханты. 1909–1910
In boats. Khanty. 1909–1910

Подросток около крытой березовой корой лодки. Манси. 1909–1910
A teenager by the side of a boat covered with birch bark. Mansi. 1909–1910

Семья Кузьмы Тибичи. Ханты. 1927
Family of Kuzma Tibichi. Khanty. 1927

На реке Сосьва. 1909
On the River Sosva. 1909

Остановка оленеводов в пути. Ханты. 1909–1910
Reindeer herders' halt en route. Khanty. 1909–1910

Меховые одежды, украшенные узорчатой инкрустацией, сплошь покрытая орнаментом многочисленная берестяная узорчатая посуда, женская обувь, расшитая бисером, говорили о художественном вкусе этого народа. Бросаются в глаза обмотанные красным шерстяным шнуром косы мужчин с пучком волос на конце. Любопытно, что с самого утра до сумерек все население, за исключением, кажется, только грудных детей, на работе – все заняты. Мужчины промышляют пушного зверя, женщины осматривают рыбные запоры и настороженные на птиц слопцы, возят на собаках дрова и сено; вполне самостоятельно ездят на собаках и дети, помогая своим матерям. [...] Мальчик в одиннадцать-двенадцать лет уже большой человек, владеет ружьем и промышляет.

Fur clothes embellished with patterned inlay, various birch-bark utensils all covered with ornamentation, and women's footwear embroidered with beads attest to the highly developed artistic tastes of this tribe. What catches the eye is the men's plaited hair taped with red woolen braid and ending in a tuft. Curiously, from early morning till dusk, all the population, except perhaps for babes and sucklings, is working. Men are hunting for fur, while women are inspecting the fish locks and *slopets* snares targeted at bird game, carry firewood or hay on dog sledges; kids also drive dog sledges all by themselves, helping their mothers. [...] A boy of eleven or twelve is already a big guy who knows how to use a gun and hunt.

Дети на зимнем стойбище. Манси. 1909–1910
Children in a winter camp. Mansi. 1909–1910

Замужняя женщина. Манси. 1908
A married woman. Mansi. 1908

Мужчина у входа в чум. Ханты. 1909–1910
A man by the entrance to a *chum* tent. 1909–1910

Яков Бахтиаров. Манси. 1908
Yakov Bakhtiarov. Mansi. 1908

Замужняя женщина. Манси. 1908
A married woman. Mansi. 1908

Женщина с детьми у берестяного чума. Манси. 1909
A woman with children beside a *chum* tent. Mansi. 1909

Мужчина
из Ломбовож-пауля.
Манси. 1909-1910

A man from
Lombovzh-paul. Mansi.
1909-1910

Молодой мужчина с реки Казым. 1909–1910
A young man from the River Kazym. 1909–1910

Традиционная мужская прическа: волосы, заплетенные в две косы. Манси. 1908

Traditional male hairstyle with two plaits.
Mansi. 1908

Охотник
с ружьем
и провизией.
Ханты.
1909-1910

A hunter with
a gun and
provisions. Khanty.
1909-1910

Способ
переноски
грудных детей.
Манси. 1908

A manner of
carrying a baby.
Mansi. 1908

Зимние избы здесь довольно просторные, имеют квадратную форму 6 x 6 м. У стены против входной двери большое пространство занимают низкие нары, разделенные перегородками на три отделения. В углу слева от двери камин, направо – помещение для телят и род шкафчика. Потолка нет, крыша двухскатная. Летние жилища столь же просторны, как и зимние. В отличие от зимних в них нет камина, но в центральной части устроен очаг, на котором разводится огонь для приготовления пищи и обогрева жилья. Для выхода дыма в центральной части крыши оставлено прямоугольное отверстие, которое никогда не закрывается. Избушки здесь чистенькие и теплые. Обращают на себя внимание удивительно маленькие двери, входя в которые приходится сильно сгибаться. Высота их не более метра. При тех морозах, какие бывают здесь, такие маленькие дверцы вполне рациональны. С каждым днем я все более убеждался в целесообразности ледяных окон. Они вполне защищают от холода и дают много света, несколько не меньше стеклянных окон. Вместо амбарчиков на сваях для хранения продуктов повсюду распространены снежные избушки (шуль хот). Для хранения ружей, луков, стрел и прочих охотничьих принадлежностей здесь строят подле избушек своеобразные шалапики (ёгол хот).

Winter *izbas* here are quite spacious, square in shape and measuring six by six metres. Low sleeping platforms attached to the wall opposite the entrance and partitioned into three sections take up considerable space. The fireplace is in the corner to the left of the doorway; to the right is the calf pen and a structure resembling a cabinet. There is no ceiling; the roof is gabled. Summer dwellings are just as spacious as winter ones. Unlike winter dwellings, though, they have no fireplaces, but there is a hearth in the middle where fire is lighted for cooking and warming. The rectangular opening for the issue of smoke in the central part of the roof is always left open. The winter lodgings had heaps of refuse near them, whereas summer lodgings looked very tidy. Towards evening all the inhabitants of the *paul* settlement were gone: women had headed for the nearest islet grown with a coniferous forest where they would hunker down trapping ducks, and men carrying fishing-nets had gone fishing in the sors. The small local *izbas* are tidy and warm. What is peculiar is the fact that the doors are surprisingly small; you have to bend low as you go inside. They are only just about a metre tall. What with the severe colds in this locality, these tiny doors seem quite practical. With every day that passes I become more and more convinced that ice windows are quite suitable here. They ensure protection from the cold and permit light through just as well as glass windows. Snow cabins (*shul' khot*), rather than small granaries on piles, are quite widespread. Guns, bows, arrows and other hunting stock-in-trade are kept in small hut-like structures (*yogol khot*) built near the *izbas*.

Зимнее стойбище. Манси. 1909–1910
Winter camp. Mansi. 1909–1910

Снежная изба для хранения провизии. Ханты. 1909–1910
Snow house for storing provisions. Khanty. 1909–1910

Ледяное окно. Манси. 1909–1910
Ice window. Mansi. 1909–1910

Лабаз – амбар для хранения продуктов. Манси. 1909–1910
Storage shed for provisions. Mansi. 1909–1910

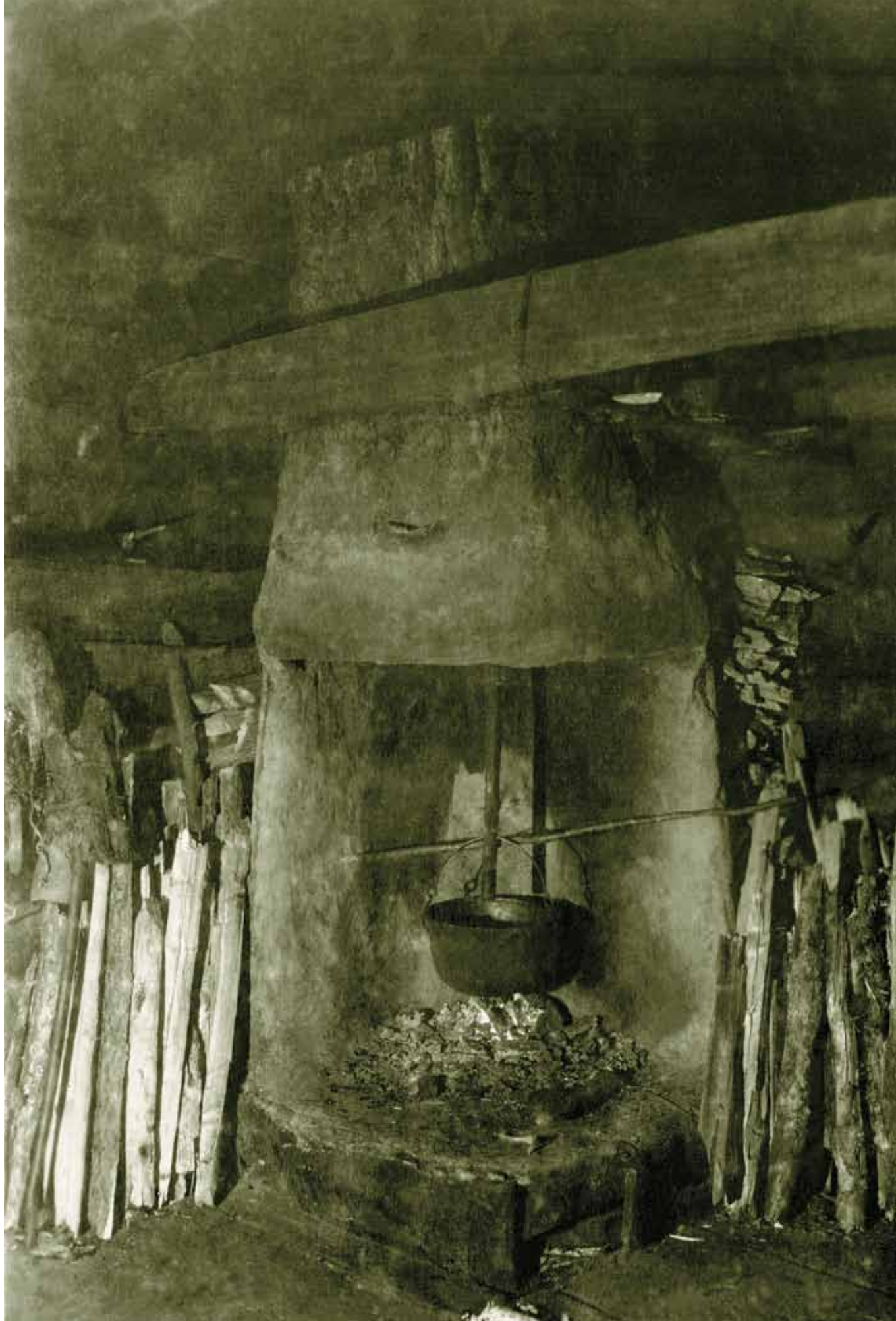
На зимнем стойбище на реке Казым. Ханты. 1909–1910
 Winter camp on the River Kazym. Khanty. 1909–1910

Интерьер зимнего жилища. Нары. Манси. 1909–1910
 Interior of a winter cottage. Plank beds. Mansi. 1909–1910

Чувал (печь) внутри
избы. Манси.
1909–1910

Chupal stove inside
an *izba*. Mansi.
1909–1910

Зимнее стойбище на реке Казым. Ханты. 1909–1910
 Winter *stoibishche* on the River Kazym. 1909–1910

Зимнее жилище на реке Казым. Ханты. 1909–1910
 Winter *izba* on the River Kazym. 1909–1910

Мужчины в традиционной зимней одежде – малицах. Манси. 1909–1910
Men wearing *malitsa* traditional winter clothes. Mansi. 1909–1910

Казымские остяки не живут в многочисленных поселках. Их зимние избышки раскинуты среди леса по реке Казымы по одной, по две вместе, редко более. Для передвижения здесь на Казыме не требуется такого количества оленей, как в низовье Оби и в Тундре. Дороги между избышками идут большею частью лесом, хорошо наезжены и не переметаются буранами. Вместе с тем казымские олени гораздо крупнее и сильнее тундряных, в нарту их запрягают всего по паре.

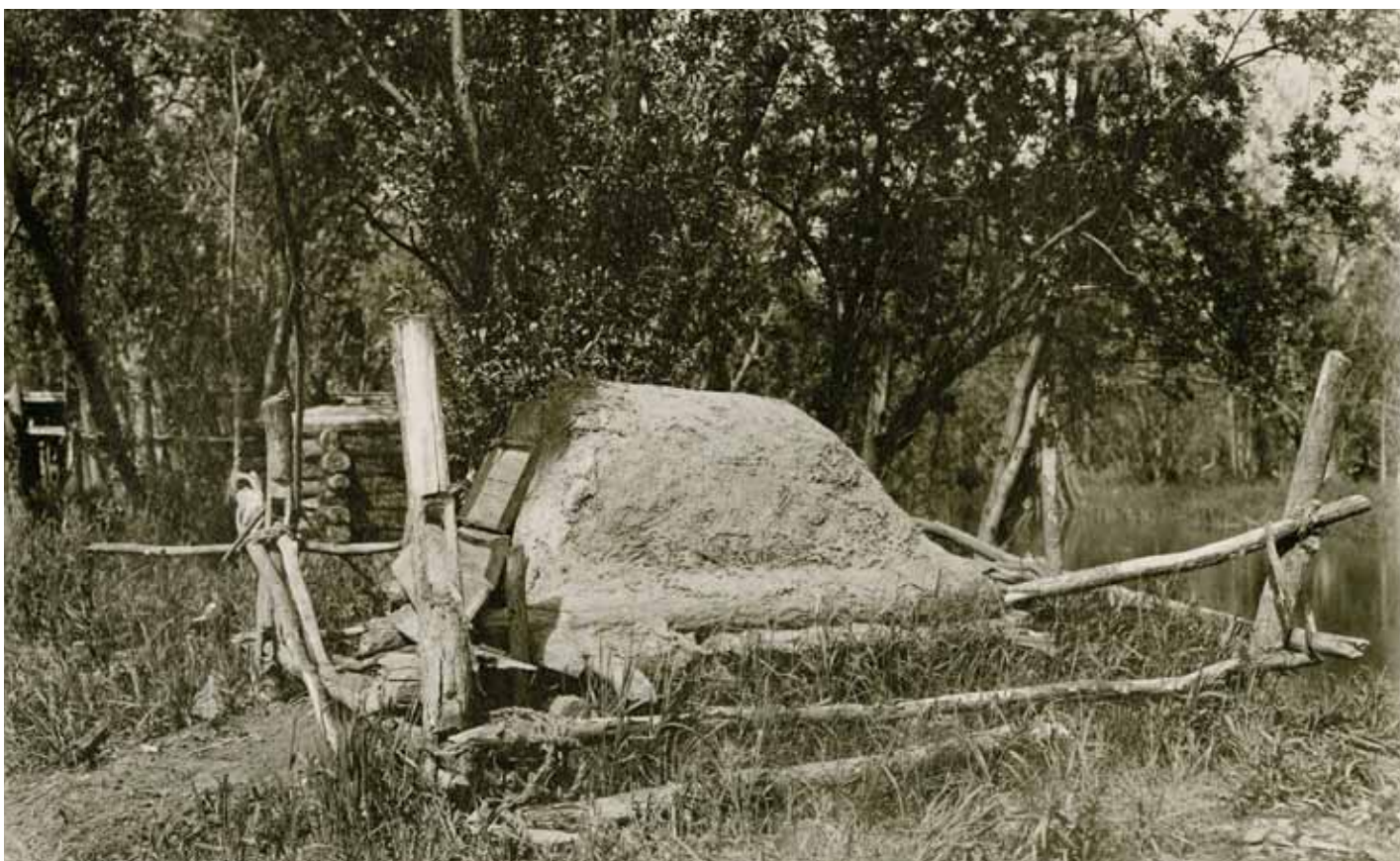
The Kazym Ostyaks do not live in big villages. Their summer *izbas* are scattered in the forest along the river Kazym, one or two together, rarely in larger groups. Here, on the Kazym, such large numbers of reindeer as on the lower Ob or in the tundra are not required for transportation. The roads between the houses go across the forest for the most part and are well-beaten and not swept away by blizzards. At the same time, the Kazym reindeer are larger and stronger than the tundra breed and just two of them are harnessed to pull a sledge.

Изготовление печи для выпекания хлеба. Манси. 1909–1910
Making a stove for bread baking. Mansi. 1909–1910

Печь для выпекания хлеба. Ханты. 1909–1910
Stove for bread baking. Khanty. 1909–1910

Выпекание хлеба зимой. Манси. 1909–1910
Baking bread in winter time. Mansi. 1909–1910

Печи на реке Сосьве начали делать недавно. Хлеба раньше совсем не ели, муки покупали мало, делали из нее болтушку и изредка пекли лепешки в золе. В большом количестве начали потреблять в пищу муку со времен Александра Сибирякова.

Stoves were introduced quite recently in the Sosva River area. Local people used to eat no bread at all, buying small amounts of flour to make thin flour dough and rarely if ever baking flat bread in the ashes. It was not until Alexander Sibiryakov's day that flour became a staple food.

Старшину застал в тот момент, когда он душил оленя. Тут же на снегу он со своими родственниками принялся есть теплое дымящееся мясо, макая его в кровь, наполнившую брюшную полость оленя. Зашел в чум. Старшина очень просил меня закусить сырой олениной с кровью. Съел несколько кусков с солью, но без хлеба. Это не противно, но не так вкусно. Гораздо вкуснее мозг, тоже свежий, сырой, из больших трубчатых костей оленя. Есть его без хлеба и соли, как это делают остяки, я, однако, не мог, зато с хлебом должен был отдать должное этому лакомству остяков.

I came when the foreman was strangling a reindeer. Right there on the snow he and his relatives began eating the steaming meat, dipping it in the blood that had filled the animal's abdominal cavity. I entered the *chum* tent. The foreman insistently invited me to partake of the raw venison seasoned with blood. I ate several lumps with salt but with no bread. It isn't disgusting, but not very delicious either. Bone marrow is much tastier – also fresh and raw, from the reindeer's large tubular bones. Eating it without bread and salt, as the Ostyak people do, was beyond me, but with bread I devoured it, having to give the Ostyak delicacy its due.

На зимнем стойбище около освежеванного оленя. Ханты. 1909–1910

On a winter *stoibishche* next to a flayed reindeer. Khanty. 1909–1910

Женщины прядут, вяжут сети, ходят за коровами, рубят дрова, собирают ягоды, готовят пищу, наиболее энергичные вместе с мужчинами неводят. Мужчины ловят, промышляют зверя, строят жилища, делают деревянные части очага-чулана (женщины обмазывают их глиной), изготавливают деревянную посуду: ниток не прядут, но сети плетут.

Women spin, weave nets, tend cows, chop wood, gather berries, and do the cooking; the more robust of them go dragnet fishing together with men. Men catch and hunt game, build dwellings, make wooden parts of the *chulan* fireplace (coated with clay by women) and make wooden utensils; they do not spin thread, but they do weave nets.

Семья на берегу реки Сосьва.
Манси. 1909–1910

Family on the bank of the River Sosva.
Mansi. 1909–1910

Летняя упряжка оленей. Манси. 1909–1910
Reindeer in summer harness. Mansi. 1909–1910

Изготовление берестяной колыбели. Манси. 1909–1910
Making a birch bark cradle. 1909–1910

Около оленьего сарая. Манси. 1909–1910
Near the reindeer shed. Mansi. 1909–1910

Ловля рыбы неводом. Манси. 1908
Fishing with a drag-net. Mansi. 1908

Смоление лодки.
Манси. 1909-1910

Tarring a boat. Mansi.
1909-1910

Подготовка невода.
Ханты. 1909-1910

Preparing a drag-net.
Khanty. 1909-1910

На берегу реки Оби.
Ханты. 1909

On the bank
of the River Ob. Khanty.
1909

Ловля рыбы острогой.
Манси. 1908

Spear fishing. Mansi.
1908

Плетение морды (ловушки для ловли рыбы). Ханты. 1915
Weaving a *morda* basket-type snare for fishing. Khanty. 1915

Мужчина и подросток около плетеных ловушек
для ловли рыбы. Манси. 1909–1910

Man and a teenager beside woven snares for fishing.
Mansi. 1909–1910

Запор на реке Сосьва для ловли щук. Манси. 1909–1910
Fence for pike fishing on the River Sosva. Mansi. 1909–1910

Звероловство при современных ценах на пушнину несравненно прибыльнее рыболовства. На Сосьве и Ляпине почти каждый вогул за зиму убивает от 700 до 1000 белок, что дает доход от 200 до 350 рублей, причем обеспечивает к тому же семью мясом, так как все едят белок. Кроме того каждый добывает два-три и более оленей и лосей. Если к этому прибавить еще добычу соболя, а хороший промышленник может добыть их от 20 до 40 штук, что, при стоимости 30 рублей за шкуру соболя, дает крупный заработок, то станет понятна прибыльность зверового промысла. Между тем зверовой промысел требует здоровья, а, главное, хорошего зрения. Как только у вогула заболели глаза, он плохо стал видеть, он больше уже не промышленник. Он вынужден заняться рыболовством. В верховье рек вонзевая (идущая вверх по реке метать икру с моря и Оби в малые реки) рыба приходит поздно и в небольшом количестве. Поэтому с верховьев Сосьвы и Ляпина на встречу вонзевой рыбы вогулы спускаются в низовье Сосьвы и остаются там уже навсегда. Там обычно живут и их дети.

What with the present-day fur prices, hunting fur-bearing animals is much more profitable than fishing. In the Sosva and Lyapina areas practically every Vogul shoots 700 to 1000 squirrels a year, thus earning an income of 200 to 350 roubles and providing meat for the whole family, for squirrel is eaten everywhere. Moreover, each one procures at least two or three deer or elks. Together with sable hunting – a good hunter procuring 20 to 40 sables, traded at 30 roubles apiece – this brings considerable income and attests to the profitability of hunting. True, being a hunter requires physical strength and, above all, keen vision. Once a Vogul's eyesight has weakened badly, he cannot be a hunter any longer. He is relegated to fishing. Spawning fish does not come to the upper reaches of rivers until rather late, or in quantity. Therefore, Voguls tend to go downstream along the Sosva so as to meet spawning fish halfway, eventually settling down there for life. Their children, too, normally settle there.

Охотник с самострелом для добычи зайцев и лисиц.
Ханты. 1909–1910

Hunter with an arbalest for hares and foxes.
Khanty. 1909–1910

Перевес для ловли уток, натянутый на просеке:
вертикальная (ловушка) и горизонтальная (поддон) сетки. Манси. 1909–1910

Hanging duck-catcher net stretched across the clearing,
with a vertical catcher and horizontal holder. Mansi. 1909–1910

Просушка уток после охоты. Ханты. 1909–1910
Drying the ducks shot. 1909–1910

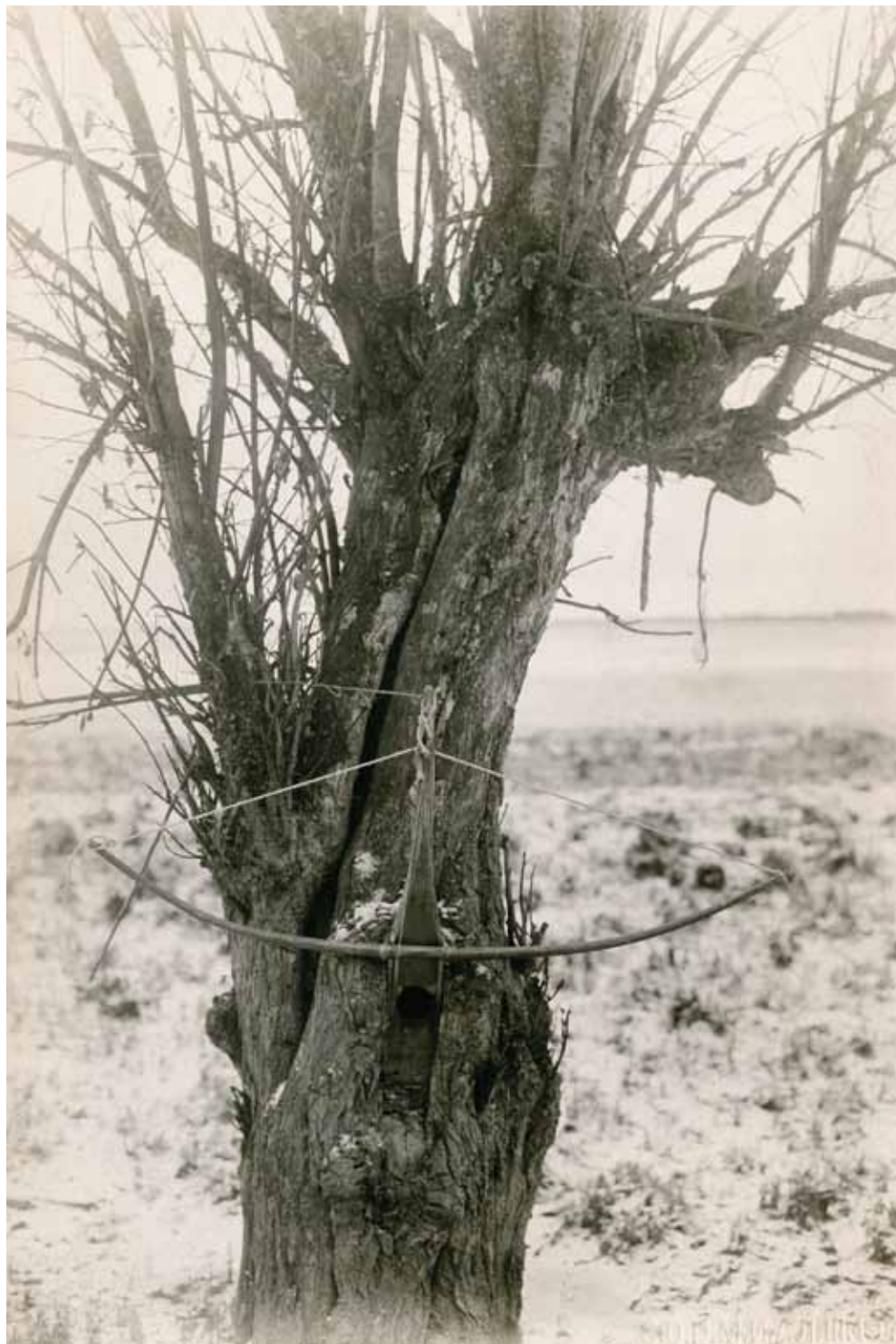

В пути здесь, как и ранее во многих местах, я видел массу слопцов для ловли глухарей и тетеревов. Места, куда бывает вылет птиц и на которых ставятся слопцы, переходят по наследству из поколения в поколение. Устройство слопцов здесь, на Казыме, совершенно такое же, как и на Оби. Во всех избах были большие запасы глухарей и тетеревов, пойманных осенью слопцами. Добычей птицы слопцами и здесь, на Казыме, занимаются почти исключительно женщины, в то время как рыболовством и ружейным промыслом занимаются мужчины. Помимо птицы у остяков были запасы позёмов, вяленой рыбы и клюквы, которых местами запасают очень много.

Travelling here I saw, as I had previously seen in many other places, lots of *slopets* traps for wood grouse and black grouse. Knowledge of places where birds flock and where traps are set comes down from one generation to another. Traps here in the Kazym valley are made in the same way as in the Ob valley. All the homes here had large stores of wood and black grouse game. Game bird trapping is almost exclusively a female occupation here in the Kazym valley, while fishing and hunting are the responsibility of men. Beside fowl, the Ostyak had good supplies of *pozyom* (air-dried fish), halved or deboned, and cranberries; stores of those provisions can be very large in some places.

Слопец (ловушка) на тетеревов.
Ханты. 1909–1910

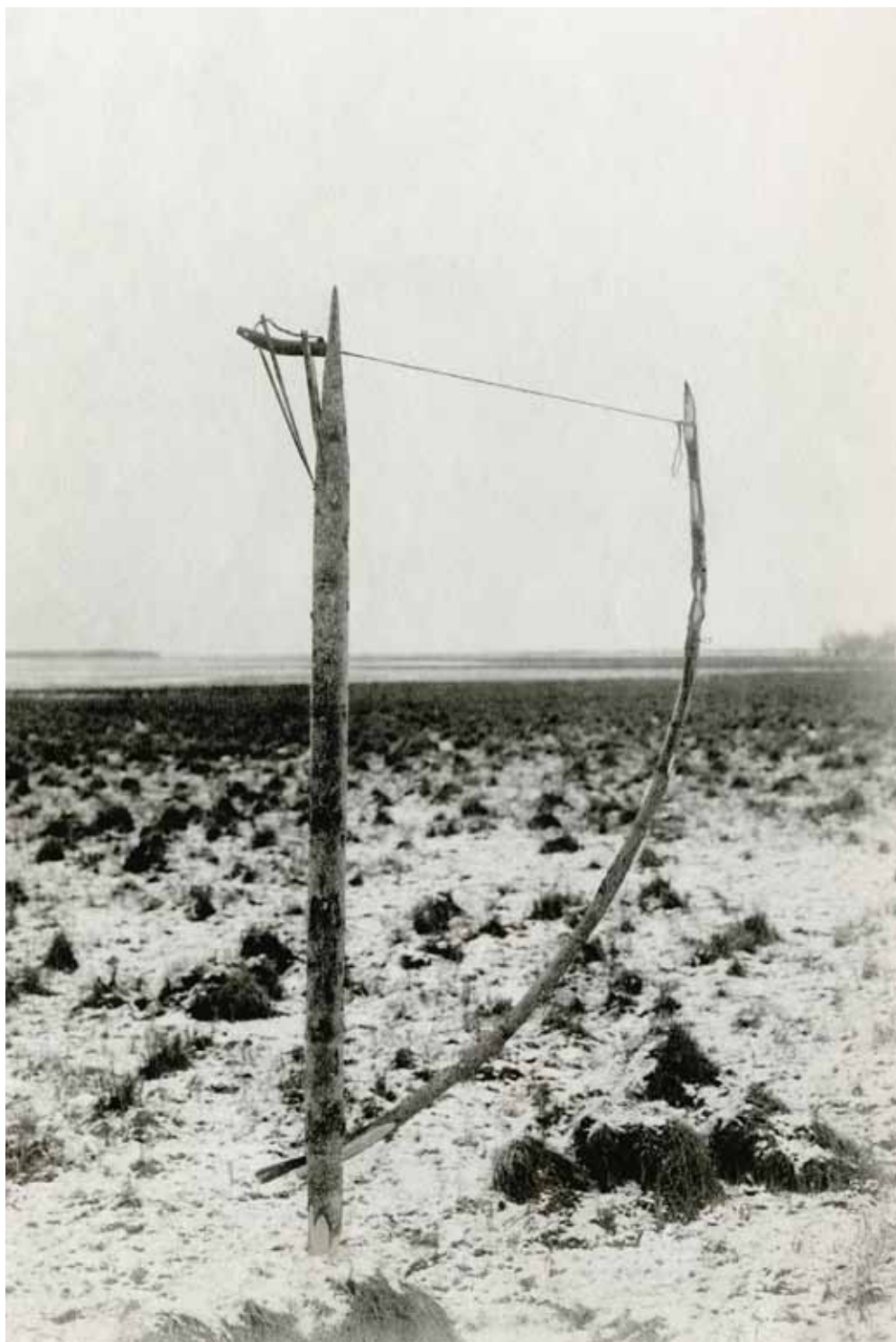
Slopets trap for black grouses.
Khanty. 1909–1910

Самострел, настроенный на горностаев. Ханты. 1909–1910
Arbalest targeted at ermines. Khanty. 1909–1910

Ловушка на белок. Ханты. 1909–1910
Snare for squirrels. Khanty. 1909–1910

Ловушка на белых сов. Ханты. 1909–1910
Snare for white owls. Khanty. 1909–1910

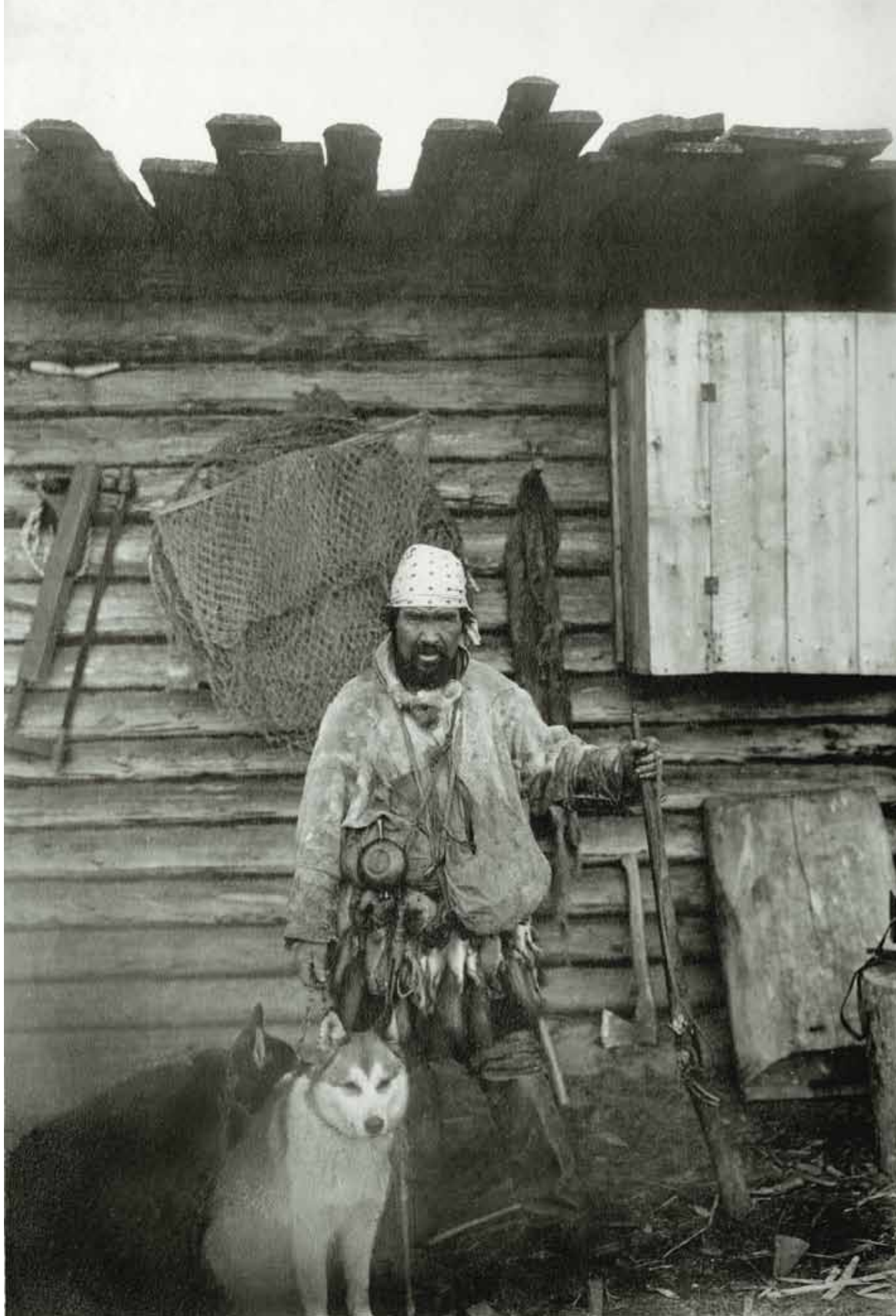
Лук, настроженный
на диких оленей. Манси.
1909–1910

Cross-bow targeted at wild
deer. Mansi. 1909–1910

Около охотничьего шалаша.
Манси. 1909–1910

Near a hunter's hut. Mansi.
1909–1910

Охотник с лайками.
Ханты. 1909–1910

Hunter with huskies.
Khanty. 1909–1910

Мальчик-охотник.
Манси. 1908

Boy hunter.
Mansi. 1908

Сбивание
кедровых шишек.
Ханты. 1909–1910

Knocking off cedar
cones. Khanty.
1909–1910

На мыске стояло несколько лиственниц, и под ними в одном месте я нашел до десяти и в другом – более семидесяти ийлян, уже совсем истлевших. На деревьях было много оленьих черепов и рогов. Все это были святилища, на которых низовые остяки приносили жертвы своим покровителям в рыбном и зверином промыслах.

There were a few larch trees on a small promontory, where I found up to ten *iylyan* cult effigies, completely decayed, in one place and seventy such figures in another. There were lots of deer skulls and antlers hanging from trees. Those used to be sanctuaries where downstream Ostyaks brought offerings to their fishing and hunting patron deities.

Место для жертвоприношений на мольбище. Ханты. 1909–1910

Place for offerings at a sanctuary. Khanty. 1909–1910

Изображение духа-покровителя охоты и рыболовства,
вырезанное на лиственнице. Ханты. 1909–1910

Representation of the patron spirit of hunting and fishing incised
on the trunk of a lark tree. Khanty. 1909–1910

Священные деревья с жертвоприношениями
на мольбище. Ханты. 1909–1910

Holy trees with offerings at a sanctuary.
Khanty. 1909–1910

Юх-иляни – изображения духов-покровителей
на мольбище Оби. Ханты. 1909–1910

Yukh-ilyani effigies of patron spirits
on the River Ob. Khanty. 1909–1910

Священное место,
где приносят жертвы
для благополучия
и удачи. Ханты. 1915

Sacred place for offerings
and sacrifices to bring
wellbeing and luck.
Khanty. 1915

Жертвенный стол
с принадлежностями
домашнего моления.
Манси. 1908

Table for offerings with
attributes for invocations
at home. Mansi. 1908

Жертвенное место
Нёр-яльбы
(молебный камень)
на склоне священной
горы Ялпынг-нёр.
Манси. 1908

Sacred place called
Nyor-yalby (worship
stone) on the slope
of holy *Yalpyng-nyor*
mountain. Mansi. 1908

Лабаз – священный амбарчик. Манси. 1909–1910
Sacred shed. Mansi. 1909–1910

На мольбище. Манси. 1908
At a sanctuary. Mansi. 1908

Изображение духа-покровителя в священной избе. Ханты. 1909–1910
Effigy of a protecting spirit in a sacred *izba*. Khanty. 1909–1910

Мань-кол («маленький дом») – специальная избушка для проживания женщины в период родов и менструаций. Ханты. 1909–1910

Man-kol ("small house"), a special small *izba* for a woman to live in during childbirth and menstruations. Khanty. 1909–1910

Вчера вечером снова расспрашивали одного вогула, проживающего здесь среди остяков, что за жерди сложены под деревом, на котором висят кузовки с последами. «Не знаю, – отвечает он, – видишь ли, нам нельзя быть, когда бабы рожают. Как почувствует она, что скоро родит, так и говорит – позови старуху. Она одна у нас, которая рожать помогает. Я приду в ее избу и только дерну за руку – она уже знает, в чем дело. После этого жену я уже не вижу, пока не родится ребенок».

Last night I repeated inquiries about the sticks piled under the tree with afterbirth baskets, questioning a Vogul man who lives here among the Ostyak. 'I don't know,' he said, 'you see, we are not permitted to be around when a woman is in labour. When she feels it's time for her to give birth, she just says. Go and call the old woman. She's the only one here to help in labour. So I go to her cabin and tug at her hand – and she knows what's up. After that I won't see my wife until after the baby is born'.

Пункын-сован – кузовки, в которых на священном дереве хранили плаценту после родов. Ханты. 1909–1910

Punkyn-sovan baskets hanging from a sacred tree in which placenta was preserved after childbirth. Khanty. 1909–1910

Колыбель
на священном
дереве. Ханты.
1909-1910

Cradle on a sacred
tree. Khanty.
1909-1910

Под деревом, на котором развешаны были кузовки с последами, заметил кучу палок, перевязанных тряпочками. Терентий ничего не мог мне сообщить о них. Остяку не полагается знать чтобы то ни было, касающееся рождения ребенка. По этому вопросу ни одна остячка ничего не сообщит мужчине, даже своему мужу. Узнал все же, что это те палки, на которых женщины подвешиваются во время родов.

I noticed a pile of sticks tied with strips of cloth under a tree, hanging from which were small baskets containing afterbirth. Terenty was unable to tell me anything about them. An Ostyak man is not supposed to know anything at all regarding childbirth. No Ostyak woman would disclose anything about this matter to her husband, much less to another man. I found out, however, that those were the sticks that a woman in labour hangs from.

Дерево, обвязанное старыми одеждами роженицы. Ханты. 1909–1910

Tree covered with the old clothes tied to it of a woman's that recently gave birth. Khanty. 1909–1910

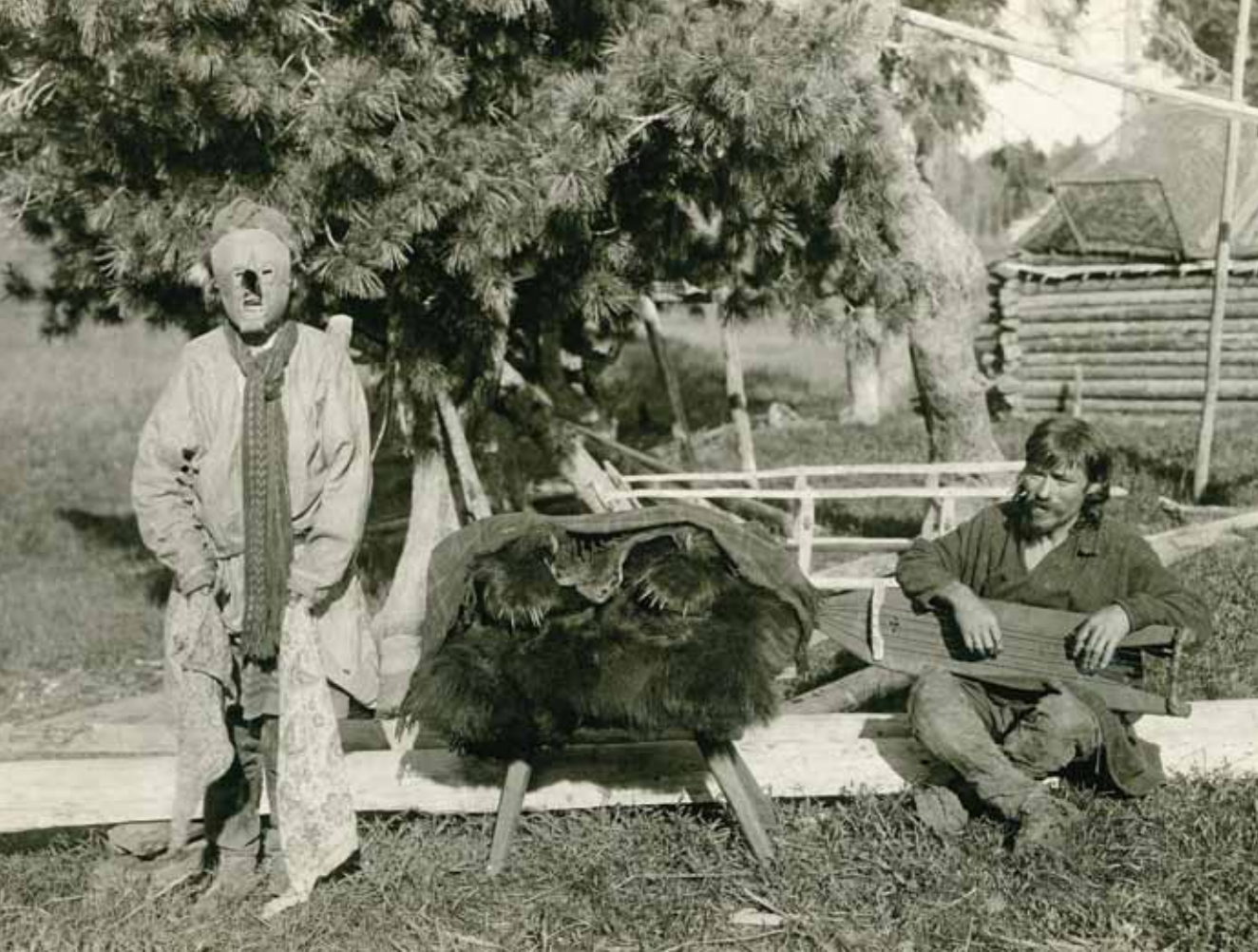

Вечером в течение нескольких часов наблюдал пляску и сценические представления остяков. Плясали под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов сангьльтып – род гуслей и сарип юх лебеда – род арфы. Плясали и женщины, и переодетые в женские костюмы мужчины. Пляски сопровождаются выразительной мимикой и жестами, весьма фривольными по содержанию и совсем недвусмысленными. Особо выделяется только ритуальная пляска в честь медведя, с разными выпадами, притоптыванием правой ногой и со вскидыванием кверху рук. Оригинальные костюмы – вывернутые наизнанку шубы, головные повязки из желтой шкуры лисицы, многочисленные повязанные в кистях рук разноцветные платки. В танцах принимают участие не только взрослые, но и дети. После того, как убили медведя, «играли» два дня. Мясо съели. Шкуру медведя с черепом, чтобы она не портилась, хозяин медведя поместил на особом помосте (пубы нором) за избой, где, прикрыв шкуру платком, прикладами [кусками ткани] и старым гусем [одеждой] оставил ее лежать до свободного времени, когда возможно будет праздновать. Празднество займет по меньшей мере пять суток [и] будет тогда, когда выпадет настолько большой снег, что нельзя будет охотиться с собаками...

In the evening, I watched the Ostyak dancing and performing for a few hours. They were dancing to the accompaniment of *sangyltyp* stringed musical instruments, resembling a Russian *gusli*, as well as a *sarip yukh*, a kind of swan-shaped harp. The dancers were both women and men, the latter dressed up as women. Their dances are accompanied by dramatic facial expressions and gestures, rather frivolous in their essence and quite unambiguous. What stands apart is a ritual dance celebrating the bear, with each dancer making a variety of thrusts, stomping their right foot and throwing up their arms. The costumes are quite original: fur coats turned inside out, headbands made from yellow fox and numerous variegated kerchiefs tied to their wrists. Children take part in the dances alongside their elders. After a bear had been shot, they “had bear games” for two days. The meat was eaten up. The host spread the bear skin with the skull on a kind of platform (*puby norom*) lest it should decay, covered it with a shawl, some offerings of clothes (*priklad*) and an old hooded sack-like garment known as 'goose' and left it there until they had several days off, when it would be appropriate to celebrate. The celebration is likely to last at least five days and nights <and> is usually held when the snow is so deep as to make dog hunting impossible.

Пляски на медвежьем празднике. Река Сосьва. Манси. 1900-е годы
Dance at a bear festival. River Sosva. Mansi. 1900s

Участники медвежьего праздника рядом со шкурой медведя. Манси. 1909–1910

Bear festival participants next to a bear hide. Mansi. 1909–1910

Жертвоприношения для медведя во время медвежьего праздника. Ханты. 1909–1910

Offerings to the bear at a bear festival. Khanty. 1909–1910

Мужчина в маске и с луком, которые используются на медвежьем празднике. Ханты. 1909–1910

Man in a mask with a bow, the two being attributes of a bear festival. Khanty. 1909–1910

Мужчина в маске
и с посохом
на медвежьем
празднике.
Манси. 1908

Masked man with
a staff at a bear
festival. Mansi. 1908

Священное дерево
(кедр) с черепами
медведя и лося
и с лосиными
бородами. Манси.
1909–1910

Sacred tree (cedar)
with the skulls
of a bear and an elk
and an elk's beard.
Mansi. 1909–1910

Кладбище было расположено на правом возвышенном берегу протока между реками Обью и Сосьвой. Небольшие намогильные холмики были прикрыты сверху досками или низенькими дощатыми домиками. По тем предметам, которые были оставлены на могилах, без труда можно было определить возраст, пол, а, нередко, и основное занятие умершего. На могиле промышленника мы нашли положенными его лыжи, охотничью нарту, топор, походный чайник и другие предметы; над могилой ребенка на дереве была повешена берестяная колыбель с принадлежностями детского костюма; на самой могиле лежали опрокинутые полозьями кверху детские саночки. На отдельных могилах лежали чугунные котлы, продырявленные после поминальной трапезы, бутылки из-под водки, ведра, топоры, всевозможная берестяная посуда; на деревьях была развешена меховая и суконная одежда умерших. Местами видны были остатки жертвенных, поминальных костров.

The cemetery was on the elevated right bank of a stream connecting the rivers Ob and Sosva. Small grave hills were covered with planks or low hut-like plank structures. The objects left on the graves allow determining the age, gender and sometimes the main occupation of the deceased. On a hunter's grave we found a pair of skis, a hunter's sledge, an axe, a travelling kettle and other stock-in-trade; a birchbark cradle containing articles of children's clothing was suspended over a child's grave, and a sledge with its runners up lay on the grave itself. Placed on top of some of the graves were cast iron cauldrons holed after the funeral repast, empty vodka bottles, buckets, hatchets and various kinds of birch-bark utensils; hanging from the trees were the dead people's fur and broadcloth clothes. Here and there vestiges could be seen of sacrificial fires built for the funeral rites.

Поминки на кладбище. Ханты. 1909–1910
Mourning wake at a cemetery. Khanty. 1909–1910

Священное место на реке Оби
с домиками, где хранили
изображения умерших
людей. Ханты. 1909–1910

Sanctuary on the River Ob with
small houses where effigies of
the diseased were kept. Khanty.
1909–1910

Могила крещеного мальчика.
Ханты. 1909–1910

Grave of a christened boy. Khanty.
1909–1910

Поминки на кладбище. Ханты. 1909
Mourning wake at a cemetery. Khanty. 1909

Зимний закат на болоте

Winter sunset over the marshland

2012 ГОД. СТОЙБИЩЕ ТАРЛИНЫХ НА РЕКЕ КИРПВЫС-ЮГАН
2012. THE TARLOVS' STOIBISHCHE ESTATE ON THE RIVER KIRPVYS-YUGAN

Юрий Кузьмич, Валентина Григорьевна и Артем Тарлины – современная хантыйская семья, проживающая в селе Казым, сохраняет во многом традиционный образ жизни. Стойбище семьи на реке Кирпвыс-юган (название места, по которому протекает река – «юган») находится примерно в 25 км от поселка: зимой добираются туда каждые 3–4 дня на снегоходе «Буран» (если выезжает вся семья, то к нему прицепляют нарты), летом – на машине до болота, через которое идут около 5 км до стойбища. На стойбище расположены жилой дом, амбары на сваях для хранения имущества, летняя кухня, вешала и специальные помосты для сушки сетей и вяленой рыбы. Тарлины построили дом, хозяйственные постройки, кораль (огороженное место для выпаса оленей) в 2004–2005 годах. Место проживания семьи во многом обуславливается подходящими условиями для выпаса оленей: обычно выбирают бор, желательнее вдали от болот. На одном месте семья обычно живет от 10 до 15 лет, пока в окрестностях не истощится корм для оленей; затем поселение переносят на новое место, в 3–5 км от старого. В целом территория родовых угодий Тарлиных занимает площадь примерно 600 кв. км.

Yuri Kuzmich, Valentina Grigoryevna and Artem are a contemporary Khanty family that resides in the village of Kazym and in many respects retains the traditional way of life. The Tarlin family's *stoibishche* ranch in Kirpvy-s-yugan (name of the place crossed by a river, or "yugan") is about 25 km away from their village: in winter they go there once every 3 or 4 days on a *Buran* snowmobile (if the whole family goes, the snowmobile tows a sledge), in summer they go by car up to the marshland and walk 5 km across it. On the ranch they have a house to live in, a granary standing on piles to keep their belongings, a summer kitchen, drying racks and special decks for drying nets and fish. The Tarlins built their house and outbuildings, as well as a corral (an enclosed pasture to graze reindeer) in 2004 to 2005. The location of the family's residence is largely determined by suitable conditions for pasturing reindeer – usually a pine forest is chosen, preferably away from marshland. A family normally lives in the same place for 10 to 15 years, then the camp is relocated to a new site, 35 km away from the old one. The whole of the Tarlin family's estate occupies a total area of about 600 square kilometers.

Артем, Валентина Григорьевна и Юрий Кузьмич в корале
Artem, Valentina Grigoryevna and Yuri Kuzmich in the corral

Ездовые нарты около коралья
Riding sledge near the corral

Заготовка рыбы для подкормки оленей
Storing fish for reindeer's supplementary forage

Хозяйственные
постройки на стойбище

Outbuildings
on the *stoibishche*

В зимнем корале в 5 километрах от стойбища
In the winter corral 5 km away from the *stoibishche*

Поимка оленей
с помощью аркана.
Одевание упряжи

Catching reindeer
with a lasso.
Harnessing the animal

Дом Тарлиных на стойбище
The Tarlins' house on the *stoibishche*

Артем около дома
Artem near the house

Валентина
Григорьевна
в традиционной
зимней одежде,
украшенной
меховой мозаикой

Valentina
Grigoryevna
in traditional winter
clothes adorned
with fur mosaics

У хантов и манси, живущих на *стойбищах*, сохраняется традиционная одежда: семья Тарлиных – яркий тому пример. Женщины летом носят платья на кокетке, халаты из хлопчатобумажной ткани прямого покроя, без воротника; зимой – меховую двойную шубу на подкладе из меха либо с верхом из сукна. Одежду украшают узорами, выполненными в технике мозаики: на зимней одежде их делают из светлого и темного меха с окантовкой из сукна, на летней – в виде аппликации из ткани, имитирующей меховую мозаику, либо украшают полосками. Головным убором является платок: как и прежде, зимой носят обычно по два–три платка, вкладывая их один в другой. Мужчины носят традиционные рубахи в основном по праздникам. Их зимняя верхняя одежда – малица, или гусь, глухого покроя – шьется из сукна или оленьих шкур, с капюшоном (на пошив идет 4 шкуры оленя). Сохраняется и традиционная обувь: зимой носят кисы, сшитые из камусов (шкур с ног оленя или лося). Обычно обувь шьется из 12 камусов.

Those Khanty and Mansi that live on *stoibishche* camps have preserved their traditional folk dress, as the Tarlin family vividly exemplifies. Their women wear straight collarless yoke frocks in summer, while in winter they wear double fur coats, with fur linings, or broadcloth coats lined with fur. They decorate their garments with patterns worked in the technique of fur mosaics: for winter clothes the adornments are made of light or dark fur trimmed with broadcloth edging; for summer clothes they are in the form of cloth appliqué that imitates fur mosaics or ornament them with stripes. Their headdress is a headscarf – as before, they usually put on two or three headscarves together, placing one inside another. Men wear their traditional shirts mainly on holidays. Their winter upper clothes usually comprise a buttoned up *malitsa* (*goos*) tunic with a hood (4 reindeer hides go into its making). Traditional footwear has also survived: in winter they wear *kisy* boots, stitched from *kamys* reindeer elk leg skins (12 *kamus* pelts are usually needed for a pair).

Семья Тарлиных   The Tarlin family

Валентина Григорьевна на пороге дома
Valentina Grigoryevna on the threshold of their house

Интерьер дома
Interior of the house

Приготовление обеда
на печке-«буржуйке»

Cooking lunch
on a cast iron stove

Блины из оленьей крови
Reindeer blood pancakes

Оленье мясо
для строганины
и оленья кровь,
в которую его макают

Frozen raw venison
and reindeer blood, into
which they dip shavings
of venison before eating

Юрий Кузьмич с сыном и гостем Яковом Ивановичем в доме
Yurin Kuzmich at home with his son and a guest named Yakov Ivanovich

Изготовление аркана – трудоемкое занятие, сохранившееся лишь в семьях, которые сами держат оленей. На изготовление обычного аркана идет одна шкура оленя (длина его составляет от 15 до 18 метров), спортивного – две (около 30 метров).

The making of a lasso is a labour-intensive occupation surviving these days only in families that themselves tend reindeer. One deer skin usually goes into the making of an ordinary lasso and two are needed for a sporting variant. The length of a lasso is from 15 to 18 metres (its sporting version can be up to 30 m long).

Путь через болота на стойбище Тарлиных

Path across the marshland to the Tarlins' *stoibshche*

Стойбище Тарлиных летом
The Tarlins' *stoibishche* in summer time

Олени около дымокура в корале

Reindeer near the fumigation vessel in the corral

Семья Тарлиных держит около 100 оленей (60 голов принадлежат Юрию Кузьмичу, остальные – его родственникам). В 2012 году приплод составил 5 голов, холостили 4 оленей. Как правило, оставляют 1 хора (самца) на 10 важенок, остальных холостят. Рога спиливают осенью, когда выпадает первый снег.

У Тарлиных олени находятся на свободном выпасе в течение года, перемещаясь по родовым угодьям; летом, в период мошки, они приходят к дымокуру в кораль на стойбище. Основной корм – трава, ягель, багульник, еловая «пахта». Забой оленей происходит в конце лета – начале осени (шкура идет на пошив одежды); с декабря по март, когда подходят к концу запасы мяса, забивают по 1 оленю в месяц. 17 августа 2012 года для забоя на одежду и мясо выбрали полторагодовалого оленя, на его рог привязали ткань – «на удачу». До захода солнца оленя 3 раза повернули по солнцу и, направив его головой на восток, подготовили к закланию. Точный удар в сердце позволил избежать излишнего кровопролития, и, чтобы не испачкать шкуру при разделывании туши, оленя поместили на нарты. Обязательной частью ритуала является окропление углов с задней стороны дома с обращением к духам с просьбой о благополучии. Разделанное мясо подсушивают на стене дома и жердях около него; снятую шкуру хозяин повесил для сушки на отдельную жердь головой на восток, а камусы (шкуру с ног оленя) и шкуру с головы – на стену бани.

The Tarlin family keeps about 100 deer (60 head belonging to Yuri Kuzmich and the rest to his relatives). In 2012 the offspring numbered 5 head, 4 deer were gelded. As a rule, they have one male for ten females, the others are castrated. Stags' antlers are sawn off in autumn after the first snowfall. The Tarlins' deer enjoy free grazing throughout the year, moving from one ground to the next one; in summertime when midges swarm, they come to the corral, where smoky fires repel the insects. Their main fodder is grass, reindeer moss, wild rosemary, and fir needles.

The slaughter of reindeer takes place in late summer to early autumn (their skins are used in the making of clothes); in the period from December to March, when the stores of meat are coming to an end, 1 head per month is killed. On 17 August 2012 a year-and-a-half-old stag was selected for slaughter for food and skin; a piece of cloth was tied to its antler – for luck. Before sunset they turned him round clockwise three times to face east and prepared him for death. An accurate hit in the heart saved excessive bleeding; in order not to smear the skin when dressing the carcass, the reindeer was put on to a sledge. An indispensable part of the ritual is the sprinkling with blood of the house back corners accompanied by an invocation to the spirits for wellbeing. The dressed meat is dried hanging from the house walls and poles stuck near it; the skin removed is hung by the master of the house from a separate pole, with the head facing east, while the skins from the animals' legs and head are hung from the wall of the bath-house.

Отлов оленей в корале для холощения

Catching reindeer in the corral for gelding

Холощение (кастрация) оленя   Gelding a reindeer

Забой оленя 17 августа 2012 года

Жертвоприношение оленя

Slaughtering a deer on 17 August 2012

Sacrificing a deer

Хозяйка дома, Валентина Григорьевна, присутствовавшая во время забоя, в конце принесла бескровную жертву (заранее подготовленный кусок красной ткани) богине огня Тугут-анки. Также было совершено кормление духа огня водкой. Подобный обряд проводится обязательно для задабривания огня: согласно традиционным представлениям, за огнем признавалась способность защитить дом от злых духов и очистить оскверненные предметы.

The mistress of the house, Valentina Grigoryevna, who attended the slaughter ceremony, crowned it by giving a bloodless sacrifice (a length of red cloth prepared in advance) to the fire goddess Tugut-anki. Feeding the right spirit with vodka was also performed. This rite is mandatory for winning over the fire element: according to traditional beliefs, fire was regarded as being able to protect the house from evil spirits and cleanse befouled objects.

Выпекание блинов из оленьей крови
Baking a pancake from reindeer blood

Разделка оленьего мяса на летней кухне
Dressing venison in the summer kitchen

Череп оленя по завершении ритуала положили на ночь на помост рядом с домом. На следующий день Юрий Кузьмич с сыном Артемом отнесли его на священное место, находящееся недалеко от дома, и поместили на березу, увешанную оленьими черепами и рогами, а также прикладами – разноцветными тканями...

After the end of the ritual the reindeer's skull was placed for the night on a platform erected next to the house. On the following day Yuri Kuzmich and his son Artem carried it to a sacred place located not far from the house and attached it to a birch tree, already hung with reindeer skulls and antlers and sacrificial multi-coloured cloths...

На Казыме охота и рыболовство одинаково важны. До сих пор значительную роль во время весенне-летнего промысла играет охота на пернатую дичь, осенью с помощью слопцов ловят боровую дичь; кроме того, добывают белку, соболя, лисиц, лося. Рыбу ловят круглый год: в небольших протоках ставят ловушки (морды), в озерах промышляют сетями. Тарлины часть пойманной летом рыбы традиционно заготавливают на зиму (сушат и вялят), зимой часть улова идет на подкорм оленей.

At Kazym hunting and fishing are of equal importance. Even now fowl shooting plays a considerable role in the spring and summer periods. Large bird game is caught with *slopets* snares in autumn; other important trophies are squirrels, sables, foxes and elks. Fishing is done all year round: in small streams *morda* basket-type snares are set, while in lakes nets are used. The Tarlins traditionally store some of the fish catches for winter use (in jerked or dried form); in winter part of the fish store is given as extra forage to the reindeer.

Охота на уток
Duck shooting

Юрий Кузьмич с Артемом
настораживают slopeц
на глухаря

Yuri Kuzmich and Artem
are setting a *slopets* trap for
black grouse

Виктор, племянник
Ю.К. Тарлина, на охоте

Victor, Yu.K. Tarlin's nephew,
at a hunt

Разделка добытых уток
Dressing the ducks shot

Способы ловли рыбы   Methods of fishing

Ю.К. Тарлин использует шкуру зимнего забоя для изготовления арканов
Yu.K. Tarlin uses a winter hide for making lassoes

Для изготовления аркана Ю.К. Тарлин использовал шкуру зимнего забоя. Летом, в июне, предварительно высушенная на ветру шкура была замочена в воде и оставлена на солнце, потом с нее сняли ворс и просушили в тени. Юрий Кузьмич разрезал обработанную шкуру по кругу на полосу (ремень) шириною около 2 см, вымочил сутки в воде, затем растянул вдоль коралля. После подсушки протянул ее через кольцо, чтобы кожа стала более эластичной (обычно это делается несколько раз). Заготовленные таким способом кожаные ремни наматываются на деревянные коклюшки, с помощью которых и изготавливают аркан: плетут его из 4 ремешков.

Yu.R. Tarlin used for his lasso a skin from winter slaughter. After drying it in the wind for a few months, he soaked it in water in June and left in the sun; then it was dehaired and dried in the shade. Yuri Kuzmich cut a 2 cm-wide strip off the skin in circular moves, soaked it in water for 24 hours and then stretched the long strip along the enclosure. After drying, he pulled the leather through a ring to make it more elastic (this is usually done several times). The leather belts prepared in this way are wound on wooden bobbins, with the help of which the lasso is woven from four belts.

Заготовка ремней для плетения аркана
Making belts for weaving a lasso

Артем за колкой дров и доставкой воды из колодца на летнюю кухню
Artem while chopping firewood and while bringing water from the well to the summer kitchen

Валентина Григорьевна за сбором брусники
Valentina Grigoryevna gathering red bilberry

Село Казым
Kazym village

Обряд бескровного жертвоприношения «пори» с просьбой о благополучии был совершен в новом доме Тарлиных в селе Казым хозяйкой дома. Валентина Григорьевна принесла приклад (кусок ткани) духу – охранителю дома, предварительно окутив огнем мешок, в котором хранятся подобные приношения.

The rite of the bloodless *pori* offering with an invocation for wellbeing was carried out in the Tarlins' new house in the village of Kazym by the mistress of the house. Valentina Grigoryevna brought the *priklad* offering (a length of cloth) to the spirit protecting the home after a preliminary fumigation with fire of the bag where such offerings are held.

Дорога из села Няксимволь на стойбище Саклинг-яун

Road from Nyaksimvol village to Sakling-yun *stoibishche*

2012 ГОД. СТОЙБИЩЕ САМБИНДАЛОВЫХ
НА ОЗЕРЕ ТУРВАТ

2012. THE SAMBINDALOV'S' *STOIBISHCHE*
ESTATE ON LAKE TURVAT

Турват-юрты (поселение на озере Турват) или Саклингя-пауль («Саклинг-яун» переводится с мансийского как «Кочковая речка») – стойбище Самбиндаловых

Turvat-yurty (settlement on Lake Turvat) or Saklingya-paul (“Sakling-yun” translates from the Mansi as “bumpy stream”) is the name of the Sambindalovs’ *stoibishche* estate

На этих родовых угодьях род Самбиндаловых живет с начала XX века (на протяжении века количество семей сократилось с пяти до одной).

У Самбиндаловых большое подворье: много хозяйственных построек, есть даже гостевой домик. Здесь многое сохраняется из традиционного образа жизни.

Самбиндаловы опять недавно стали держать оленей, пригнанных с Ямала (в 1990-е годы семейное стадо погибло из-за отказа пастухов бесплатно пасти стада на Урале).

Зимой 2012 года оленей начали выпасать в тайге, приблизительно в 30 км от стойбища, где больше ягельников; там же находятся охотничьи места.

Летом Савва Дмитриевич с сыновьями будет отгонять стадо на горные пастбища Урала за 50 км от стойбища.

Хозяйка Татьяна Владимировна с дочерью Ириной ведет домашнее хозяйство, обрабатывает мясо и шкуры добытых животных, шьет обувь. Семья традиционно держит корову, обеспечивая себя таким образом молочными продуктами.

The clan of the Sambindalovs has lived on their lands since the early 20th century (the number of its families dwindling from five to one over the period).

The Samandalovs have a large farmstead, with many outbuildings, including even a cottage for guests. Many features of the indigenous life style have been preserved here. Of late the Sambindalovs have resumed the tradition of rearing reindeer, which were brought for them here from the Yamal Peninsula (in the 1990s the family herd perished because of the shepherds refusing to tend their animals in the Urals without pay).

In the winter of 2012 they began grazing their reindeer in the taiga, some 30 km away from their ranch, where reindeer moss is more plentiful, the place being also a good hunting ground. In summer time Savva Dmitrievich with his sons will drive the herd to mountain pastures in the Urals about 50 km away from the estate. The mistress of the house named Tatyana Vladimirovna keeps house, helped by her daughter Irina, processes the meat and skins from the hunts, sews footwear, etc. The family has traditionally kept a cow to have a steady supply of dairy products.

Савва Дмитриевич и Татьяна Владимировна Самбиндаловы с сыновьями Олегом, Андреем, Алексеем

Savva Dmitriyevich Sambindalov and his wife Tatyana Vladimirovna with their sons Oleg, Andrei and Alexei

Лыжи Саввы Дмитриевича
Savva Dmitriyevich Sambindalov's skis

Окно гостевого домика
Window of their small house for guests

Поняги на стене жилого дома

Ponyagha rucksack equivalent hanging from the house wall

Возвращение
на снегоходах из поселка
Няксимволь на стойбище

Return by snowmobiles
from Nyaksimvol village
to the *stoibishche*

Стойбище Самбиндаловых расположено на берегу реки Малая Сосьва, у восточных склонов Уральских гор, в 80 км по зимнику от поселка Няксимволь, куда добираются на снегоходах, чтобы запастись продовольствием и топливом (у отца и каждого брата есть свой снегоход). Летом Самбиндаловы живут автономно, поскольку добраться до поселка очень сложно: путь занимает не менее 2 дней: сначала по воде на лодке, потом – пешком через болота.

The Sambindalovs' *stoibishche* is located on the bank of the river Malaya Sosva, not far from the eastern slopes of the Urals, 80 km away by winter road from Nyaksimvol settlement, where they drive in snowmobiles to shop for foodstuffs and fuel (both the father and each of the sons has a snowmobile of his own). In summer time the Sambindalovs live in isolation as their hamlet is practically inaccessible, the trip taking at least two days: first across water by boat and then on foot across marshlands.

Вид на коралъ
View of the corral

Парку сунт – охотничья избушка Самбиндаловых
The Sambindalovs' *parku sunt* hunting hut

Зимой 2012 года для Самбиндаловых пригнали 60 оленей с Ямала, для их выпаса были построены кораль и избушка (отец и сыновья по очереди каждые 3–4 дня ездят проверять стадо и одновременно охотятся).

In the winter of 2012, sixty reindeer were brought in from the Yamal Peninsula for the Sambindalovs; a corral and a hut were made for their pasture (the father and sons in turn have gone and checked the herd once every three or four days, combining the job with hunting).

У обских угров были широко распространены пиктографические формы письма. У Самбиндаловых есть тамга – личный знак собственности, передаваемый по наследству. До сих пор таким знаком метят оленей. До недавнего времени тамга использовались в охотничьих затесах на родовых угодьях. Знаки-затесы на деревьях на угодьях Самбиндаловых представляют собой сообщения, что «здесь охотился Самбиндалов с 3 собаками и убил лося» (это был дядя С.Д. Самбиндалова).

The Ob Ugric people used to have widely current pictographic forms of writing. The Samindalovs have a *tamga* personal inherited brand of title to property. They still use that *tamga* to brand their reindeer, and until recently the sign also occurred in notched messages on the family's lands. Such messages notched on the trees found on the Samindalovs' estate may read: "Sambindalov with 3 dogs hunted here and killed an elk" (that was S.D. Sambindalov's uncle).

Затесы на ели по дороге
к охотничьей избушке

Notches on a fir-tree on the path
to the hunting hut

Охотник Александр
Булгаков – гость
Самбиндаловых из
поселка Няксимволь

Hunter Aleksandr
Bulgakov, a guest
of the Sambindalovs'
from Nyaksimvol village

Олег Самбиндалов
во время сборов
на охоту

Oleg Sambindalov
making ready
for a hunt

Во время охоты и передвижения на небольшие расстояния отец и сыновья Самбиндаловы пользуются лыжами-подволоками. Делают их из ели, подбивают мехом жеребенка, коровы или оленьими камусами (мех придает большую прочность дереву, к нему меньше прилипает снег, он препятствует скольжению при подъеме в гору). Крепление на таких лыжах обычно состоит из 2 кожаных петель (для носка и пятки) и сделано таким образом, что позволяет их быстро одевать и легко сбрасывать. Лыжи обязательно окрашивают в красный цвет уральским камнем (глиной) для предохранения от налипания снега и утяжеления.

For hunts and walking short distances over snow, the Father Sambindalov and his sons use broad fur-lined skis. They make them of fir-tree wood, lining with foal's fur, cow's fur or reindeer's leg skin (fur makes the wood stronger, less snow sticks to it and it prevents slipping down when going up a slope). The binding on such skis usually consists of two leather loops (for the toe and the heel) and it is made in such a way as to let you slip them on and off quickly. It is essential to color the skis red with Ural clay to prevent snow from sticking to the skis and making them too heavy.

Охота – средство существования для семьи Самбиндаловых. Охотятся с собаками с ноября по апрель, чаще всего с помощью ружья: добывают лося, медведя, дичь, ставят петли на зайцев, капканы на соболя. До сих пор сохраняется традиционный охотничий костюм: суконная одежда глухого покроя с капюшоном («гусь»), обувь, пояс с охотничьими принадлежностями, берестяная поняга (ею пользуются обычно в летне-осенний период)

Hunting is a means of subsistence for the Sambindalov family. They do dog hunting from November to April, for the most part with a gun, their trophies including the elk, bear and other forest game; they also use snares for hares and traps for sables. They have preserved the traditional hunting outfit of hooded closed-front broadcloth garments, sturdy footwear and a belt with hunting accessories, complemented by a birch bark *ponyaga* rucksack (often used in summer and autumn).

Способ стрельбы из ружья во время охоты
Method of shooting during a hunt

У Саввы Дмитриевича и Татьяны Владимировны шестеро детей (две дочери и четверо сыновей), двое внуков. Все дети, кроме старшей Ольги, живут с родителями. Сыновья не женаты, хотя старшему уже 27 лет, а младшему 22 года: переезжать в поселок, как сестра, они не хотят, а девушек, желающих жить на стойбище, не находится.

Savva Dmitriyevich and Tatyana Vladimirovna have six children (two daughters and four sons) and two grandsons. All their children, except for the elder sister Olga, live with them. Their sons are not married, although the elder one is already 27 and the youngest one is 22; they do not want to move into the village, as their sister did, while they cannot find girls willing to live on the *stoibishche*.

Дом – сруб «русского типа» – достался семье от бывшего лесхоза. Внутренняя планировка дома отлична от традиционной: проходная комната с кирпичной печью, большим обеденным столом и неширокими высокими нарами вдоль стены напротив входа, две маленькие комнаты с правой стороны (в одной живут родители, в другой – дочь с ребенком). Сыновья живут в большой комнате, здесь же проводят время все члены семьи; по вечерам, когда на несколько часов включают маленькую переносную электростанцию, занимаются шитьем, изготовлением охотничьих и рыболовных принадлежностей, смотрят спутниковое телевидение, видеофильмы и т.д.

Their home is a log-house of the “Russian type”. They got it from the former forestry and lumbering company. The house interior differs from the traditional one: the big room has a brick stove, a large dining table and tall narrow plank beds along the wall opposite the entrance; on the right there are two small rooms (one is occupied by the parents, the other by their daughter and her child). The sons live in the big room, which is also a living room for the whole family in the evening, when they turn on for a few hours their portable power generator to do things like sewing, making fishing tackles, snares, etc. or watching dish television, video, etc.

Савва Дмитриевич с женой в доме
Savva Dmitriyevich with his wife at home

Охотничий пояс Олега шит из сыромятной кожи, к нему подвешены два ножа в ножнах, футляр с точильным бруском, мешочек для хранения мелких предметов (спичек, соли, кусочков чаги). К поясу прикреплены два когтя добытого Олегом медведя – амулеты, предохраняющие во время охоты.

Oleg's hunting belt: made of rawhide, with two knives in sheaths suspended from it, as well as a case with a knife-grinder inside, and a pouch for small items, like matches, salt, pieces of *chaga* birch fungus). Attached to the belt are two claws of the bear killed by Oleg – they are protective amulets for hunting.

Дымление лосиных шкур
Reindeer hides smoked

Лосиная шкура и камусы являются ценным сырьем: из них шьют обувь, ими украшают сумки, подбивают лыжи и т.д. Камусы, которые идут на изготовление охотничьей обуви, обязательно коптят в бочке над дымокуром в течение 1–2 дней (раньше для этих целей использовали берестяные бочки).

Качество шкуры оленя зависит от его возраста, поэтому ее используют по-разному: она идет на пошив одежды или обуви, сумок, орнаментов и т.д. Татьяна Владимировна обрабатывает шкуры оленя с помощью традиционного скребка. Выделанные шкуры идут на пошив обуви – пимов (женских, мужских, детских). Обувь шьется на продажу, это – один из немногих источников семейного дохода.

Reindeer hides and leg skins are valuable raw materials for making footwear, for decorating bags, for lining skins, etc. Reindeer leg skins for shoe making are always smoke-cured in a barrel suspended over a fumigation vessel for one or two days (formerly birch bark barrels were used for the purpose).

The quality of a reindeer hide depends on the animal's age, therefore its use varies: it can be used in the making of clothes or footwear, bags, ornaments, etc. Tatyana Vladimirovna treats the reindeer skins with the traditional scraper. Cured hides are used in the making of footwear, – especially of soft *pimy* high boots (for women, men and children). Shoe making is done for sale, constituting one of the few sources of income in the family budget.

Татьяна Владимировна за обработкой оленьих камусов
Tatyana Vladimirovna dressing reindeer leg skins

Традиция приготовления собственного хлеба не исчезла: на смену глинобитным печам пришли печи, сложенные из кирпича. Как и прежде, женщины выпекают хлеб из покупной муки. Татьяна Владимировна печет хлеб каждые 3 дня, замешивая тесто на 12 форм.

The tradition of baking their own bread has not disappeared, but pisé stoves have been superseded by brick ones. As before, women make bread from flour they purchase. Tatyana Vladimirovna bakes bread every three days, kneading dough for 12 loaf pans.

Мансийская легенда рассказывает о том, что вблизи озера Турват живет третий сын верховного божества Торума – Нёр-ойка («Горный старик»). Одно из преданий связывает это место с Чохрын-ойкой («Стариком-ножом»), покровителем зверей и охоты.

Хранителями изображений духов-покровителей Нёр-ойки и Чохрын-ойки всегда был род Самбиндаловых, также избравший эту территорию для проживания. Только через них манси других фамилий могли посещать священное место, находящееся на озере Турват в 6 км от стойбища Самбиндаловых. В настоящее время Савва Дмитриевич хранит изображения Нёр-ойки и Чохрын-ойки; два года назад он построил для них новый лабаз. Перед началом нового сезона Савва Дмитриевич с сыновьями посещает это культовое место, приносит бескровную жертву (печенье, конфеты, водку) духам-покровителям. На озере членам рода разрешалось ловить рыбу «на один котел», т.е. не более чем на суточное пропитание. Женщинам по традиции ни к озеру, ни к горе нельзя было приближаться.

A Mansi legend has it that near the lake is found the abode of Ner-oika ("Upland Old Man"), the third son of the supreme deity Torum. One of the myths connects this place also with the name of Chokhryn-oika ("Old Man the Knife"), the patron of beasts and hunting. The clan of the Sambindalovs, who once chose the territory for settlement, has always been the custodian of the effigies of Ner-oika and Chokhryn-oika protecting spirits. It was only through the Sambindalovs that the Mansi from other families might visit the relevant sanctuary on Turvat Lake, 6 km away from the Sambindalovs' ranch. At the moment Savva Dmitrievich is the guardian of the effigies of Ner-oika and Chokhryn-oika; two years ago he built a shed for them. Before the beginning of a new season, Savva Dmitrievich visits this cult place, bringing the patron spirits traditional offerings (biscuits, sweets and vodka). On the lake, members of the clan were allowed to catch fish only "to fill just one cauldron", i.e. for 24-hour subsistence. By tradition, women were not allowed to approach either the mount or the lake.

Озеро Турват – Тагт-Талях-Нёр-ойка-Ялпынг-Тур (в переводе с мансийского – «Святое озеро Нёр-ойки в истоках Сосьвы»)

Lake Turvat – Tagt-Talyakh-Nyor-oika-Yalpyng
(translates from the Mansi as "Sacred Lake of Nyor-oika at the source of the River Sosva")

Кормление изображений духов-покровителей на священном месте
Feeding effigies of patron spirits at a sanctuary

Изображения духов-покровителей Нёр-ойки и Чохрынь-ойки хранятся в священном амбарчике. Согласно мансийской легенде Нёр-ойка является хозяином территории, духом-покровителем оленьих стад, поэтому раньше при необходимости ему приносили в жертву белого оленя. Чохрынь-ойка почитается как покровитель зверей и охоты. Легенда гласит, что, когда божество пребывало в добром настроении, то оно сгоняло с вершины священной горы Ялпынг-Нёр зверей вниз, обеспечивая богатый промысел охотникам, для которых существовал строгий запрет (под страхом смерти) подъема на гору. Путники, проезжавшие мимо горы, обязаны были принести жертву Чохрынь-ойке: куски добытого мяса, водку, монеты и др. Если зверя было мало, то приезжали к хранителю священного места с просьбой принести жертву.

The effigies of Ner-oika and Chokhryn-oika protecting spirits kept in the sacred shed are of great significance. According to the Mansi legend, Ner-oika ("Upland Old Man") is the master of the territory; he is also the patron spirit of reindeer herds, and for that reason a white reindeer used to be given as an offering to him. Chokhryn-oika ("Old Man the Knife") is revered as a defender of animals and hunting. Legend has it that when the deity was in high spirits, it would drive the beasts down from the top of sacred Yalpyng mount, thus giving plenty of game to the hunters, who were strictly banned, on pain of death, to ascend the mountain. Travellers passing by the mountain were supposed to give offerings to Chokhryn-oika, such as pieces of the game they had obtained, some vodka, coins, etc. If hunting was poor, people came to the guardian of the sanctuary requesting that offerings to the deity should be presented.

Одним из ярких ежегодных событий в жизни народов Югры является День оленевода. В Ханты-Мансийском автономном округе он проводится в феврале–марте в национальных поселках (Казым, Саранпауль, Рускинское и др.). Это период окончания зимнего промыслового сезона, когда наступает небольшая пауза перед началом перекочевки стад с зимних на летние пастбища. В начале XX века в это время проходили ярмарки, куда съезжались оленеводы из отдаленных мест для закупок необходимых товаров и продуктов, разрешения различных вопросов и проблем с местной администрацией, получения медицинской помощи и т.д. В советское время, в 30-е годы XX века, начали проводить День оленевода, своеобразные олимпиады, в которых могли принять участие все желающие; количество участников до сих пор не ограничивается.

25 февраля 2012 года в селе Казым День оленевода проводился в 73-й раз. Основной частью программы обычно являются гонки на оленьих упряжках, которые проходят в русле реки Казым (длина трассы около полутора километров). Гонки подразделяются на несколько видов, в т.ч. стоя на нартах, на охотничьих лыжах, оленьей шкуре. Непременной частью программы праздника являются конкурсы и ярмарка мастеров по традиционным ремеслам, а также выступление фольклорных коллективов.

One of the brightest annual events in the life of the Yugra people is Reindeer Herder's Day. In the Khanty-Mansi Autonomous Okrug it is held in February to March in the indigenous settlements (Kazym, Saranpaul, Russkinskiye and others). It marks the end of the winter hunting and fishing season, when there ensues a short pause before migrating from the winter to summer pastures begins. In the early 20th century it was the time when fairs were held and the reindeer people arrived to purchase the necessary goods and provisions and settle various issues with the administration, get medical help, etc. In Soviet days, from the 1930s on, Deer Herder's Days were introduced, which were like games anyone could join in and compete. The number of competitors has remained unlimited up to now.

On 25 February, 2012, Reindeer Herder's Day was celebrated for the 73rd time. The main item of the programme was the reindeer sledge race on the Kazym river (the track is about 1.5 km long). The race falls into several categories, including rides with the competitor standing on the sledge, skiing or riding on a reindeer hide. A must-see part of the festival program was the traditional handicraft contest and fair, as well as performances by folklore groups.

Вид на село Казым из этнографического парка-музея
View of Kazym village from the Ethnographic park-museum

День оленевода 25 февраля 2012 года. Соревнования оленеводов
Reindeer Herder's Day on 25 February, 2012. Reindeer herders competing

Деревня Тур Лор. Ханты
Tur Lor village. Khanty

Деревня Ясунт. Манси
Yasunt village. Mansi

Село Казым. Ханты
Kazym village. Khanty

Современные способы передвижения

Modern means of conveyance

На зимней рыбалке
Winter fishing

Петр Николаевич и Виктор Степанович Толгомазовы на зимней рыбалке. Ханты
Petr Nikolayevich and Viktor Stepanovich Tolgomazovs on a winter fishing trip. Khanty

Добыча сельди на реке Северная Сосьва рыбаками одной из бригад родовой общины «Рахтынья»

Herring fishing on the River Severnaya Sosva by a brigade of the "Rakhtynya" indigenous community

Рыболовство у северной группы манси и хантов, проживающих в Березовском районе, всегда носило товарный характер. В настоящее время по-прежнему немалое экономическое значение в их жизни имеет добыча рыбы, в т.ч. знаменитой сосвинской сельди (рыбы тугун семейства лососевых), ловля которой длится приблизительно около 6 недель: с начала июля до середины августа. Сельдь, как и прежде, ловят неводами бригадами из 4–7 человек. Созданная более 10 лет назад под руководством предпринимателя, потомка местных старожил, А.И. Голошубина национальная родовая община малочисленных народов Севера «Рахтынья» занимается добычей сельди и икры сиговых пород рыб и сбором дикоросов. Раньше каждая семья засушивала на зиму не менее 5–6 пудов сельди. Сушили сельдь традиционным для обских угров способом. Распорыв рыбу по спине, вынимали внутренности, затем ее нанизывали через отверстие в хвосте на длинную палку приблизительно по 100 штук, после чего вешали над очагом. Приготовленную таким образом рыбу называли *юколой*, обычно ее ели с чаем. Русское старожильческое население заготавливало сельдь иным способом: пойманную свежую рыбу складывали рядами в кадку, посыпая солью (на один пуд сельди – до 6–8 фунтов соли), на третий день вынимали из кадки, промывали и снова заливали тем же процеженным рассолом и складывали, пересыпая специями, в бочонки. Сельдь поставляли как царскому двору (за что она получила свое второе название «царская селедка»), так и на рынки Тобольска, Томска, Тюмени. В начале XX века ежегодная добыча сельди доходила до 320 тонн. Сегодня в среднем ее добывают не более 10 тонн в год.

For the northern group of the Mansi and Khanty inhabiting the Berezovo District, fishing has always been of commercial value. It still remains economically significant in their life, especially their catches of the famous Sosva herring (*tugun* fish of the salmon family), the season for which lasts for about six weeks: from early July to mid-August. Herring is still fished with dragnets by teams of 4 to 7. The “Rakhtynya” community of indigenous population organized ten years ago by the local entrepreneur A.I. Goloshbin, descendant of the local old-timers, is very active in catching herring and making caviar from white fish and other varieties of the salmon family.

In olden days an average family would store for winter at least 56 poods of herring (1 pood equals 40 pounds). They used a drying method characteristic of the Ob Ugric peoples. Ripping its back open, they would remove its entrails, string the fish through a hole in its tail on a long stick, about 100 in all, and then hang the lot over the fireplace to dry. Fish prepared in that way was called *yukola* and it was generally eaten with tea. The Russian old timer population stored herring in a different way: they would place the fish in rows in a vat and sprinkle it with salt (six to 8 pounds of salt per one pood of herring); two days later they would take the herring out of the vat, wash it, put into a small barrel, pour the same strained brine into it, sprinkling the fish with spices. Their herring was “purveyed to the tsar’s court” (hence its second name – tsar’s herring), as well as delivered to the market places in Tobolsk, Tomsk and Tyumen. In the early twentieth century the catches of herring here totaled about 320 tonnes a year. Today’s average catches are only 10 tonnes annually.

Юрий Владимирович
Константинов,
мастер по изготовлению
лодок-калданок.
Деревня Ломбовож.
Манси

Yuri Vladimirovich
Konstantinov, *kaldanka*
log boat maker.
Lombovozh village.
Mansi

На берегу реки Сосьва. Манси
On the bank of the River Sosva.
Mansi

Починка сети.
Деревня Ломбовож. Манси

Repairing a net.
Lombovozh village. Mansi

Стойбище Рандымовых на реке Кельчу-юган. Ханты

The Randymovs' *stoibishche* on the River Kelchu-yugan. Khanty

Стойбище Рандымовых на реке Кельчу-юган. Ханты

The Randymovs' *stoybishche* on the River Kelchu-yugan. Khanty

Заготовка кедровых шишек и лущение орехов. Стойбище Рандымовых. Ханты
Storing cedar cones and extracting seeds. The Randymovs' *stoibishche*. Khanty

Анна Николаевна Гандыбина с внучкой Софьей
(колыбель сделана в 1963 году для детей Анны Николаевны).
Деревня Кимкьясуй. Манси

Anna Nikolayevna Gandybina with
her granddaughter Sofia (the cradle was
made in 1963 for Anna Nikolayevna's children).
Kimkyasui village. Mansi

Людмила Лыткина с детьми
(в колыбели – дочка Ангелина).
Деревня Кимкьясуй. Манси

Liudmila Lytkina with children
(her daughter Angelina in the cradle).
Kimkyasui village. Mansi

День знаний 1 сентября в национальной начальной школе деревни Кимкьясуй. На торжественной линейке – 4 ученика школы (из них – 2 первоклассника) с учителями. На первом уроке было разрешено присутствовать сестрам и братьям учеников. Манси

This is the 1st September Knowledge Day in the primary indigenous school of the village of Kimkyasui. The festive school assembly is attended by 4 schoolchildren (of whom 2 are first-graders) with their teachers. The pupil's brothers and sisters were also allowed to be present at the first lesson. Mansi

Поселок Сосьва. Манси
Sosva village. Mansi

Михаил Гандыбин. Деревня Кимкьясуй. Манси
Mikhail Gandybin. Kimkyasui village. Mansi

Валерий Хатанзеев, житель деревни Ломбовож, на скотном дворе. Манси
Valery Petrovich Khatanzeyev from Lombovozh village in the farm yard. Mansi

Младший сын Мониных Иван с семьей. Деревня Кимкьясуй. Манси
The Monins' younger son Ivan with his family. Kimkyasui village. Mansi

Александр Иванович и Александра Николаевна Монины, родители шестерых детей. Деревня Кимкьясуй. Манси
Aleksandr Ivanovich Monin and his wife Aleksandra Nikolayevna Monina are parents of six children. Kimkyasui village. Mansi

До сих пор ханты и манси по одежде определяют мастерство женщины, ее умение рукодельничать и даже ее красоту (физической красоте раньше не придавалось первостепенного значения). Традиционные женские занятия – шитье, плетение поясов, изготовление берестяной утвари – во многом сохраняются и в настоящее время.

Одежду, как и прежде, шьют из различных материалов: оленьего меха, птичьих шкурок, пушнины, ровдуги. Украшают ее меховой мозаикой, аппликацией из ткани, бисером, вышивкой подшейным волосом оленя. Из шерстяных нитей плетут пояса и подвески к обуви, вяжут носки (раньше для окрашивания тканей и пряжи применяли отвары ягод, трав, корней деревьев, а вязали на иглах).

Even these days it is by her clothes that the Khanty and Mansi judge a woman's worth, her artisan skills and even her beauty (physical prettiness did not play a key role in the past). The traditional feminine handicrafts, such as sewing, belt weaving and making birch bark utensils have largely survived to this day.

As before, clothes are made of various materials, such as reindeer hides, bird pelts, furs and reindeer suede. Their ornamentation includes fur mosaics, cloth appliqué, beads, and embroidery with reindeer jugular hair. Wool thread is used for weaving belts and footwear pendants, for knitting socks (in the past fabrics and yarn were dyed with liquors of berries, herbs or tree roots and knitting was done with a needle).

У мансийских мастериц, кроме плетения поясов, жива традиция изготовления накосных украшений, неотъемлемого элемента традиционной женской и мужской причесок. Накосные украшения, как и раньше, делают в виде пришитых к суконной планке длинных жгутов, плетенных из шерстяных шнуров и украшенных кольцами и цепочками. Затем их прикрепляют к прядям волос и вместе с ними обматывают шерстяными шнурками. Подобные накосники носят люди старшего поколения и участники фольклорных групп и студий во время различных фестивалей.

The Mansi women artisans, in addition to belt weaving, have traditionally been skilled at making *nakosnik* plait decorations, which are an indispensable element of their traditional men's and women's hairdos. As before, plait decorations are made in the shape of long strands woven of wool, sewn on to a broadcloth panel and adorned with rings and chains. Then they are attached to strands of hair and covered with woolen cords. *Nakosniks* are usually worn by seniors and by participants in folk groups at various festivals.

Галина Константиновна Алгазьева – мастерица по изготовлению «ложных» кос. Поселок Хулимсунт. Манси
Galina Konstantinovna Algazyeva is a skilled maker of "false plaits". Kimkyasui village. Mansi

Галина Константиновна Алгазьева за плетением пояса

Galina Konstantinovna Algazyeva weaving a belt

Светлана Николаевна
Хорумова, мастерица
по шитью. Деревня
Ломбовож. Манси

Svetlana Nikolayevna
Khorumova is skilled
at sewing. Lombovozh
village. Mansi

Полина Кузьминична
Рандымова.
Мастерица по шитью
и бересте. Река Казым.
Ханты

Polina Kuzminichna
Randymova, skilled
at sewing and birch bark
work. River Kazym. Khanty

Руководительница кружка декоративно-прикладного искусства в средней школе поселка Сосьва Альбина Митрофановна Кулешова со своими ученицами. Поселок Сосьва. Манси

Albina Mitrofanovna Kuleshova with her pupils. Albina Mitrofanovna runs a circle of arts and crafts in the secondary school of Sosva village. Sosva village. Mansi

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

КОЛЛЕКЦИИ 1705, 1755, 1837

Тобольская губерния, Березовский уезд. Манси
Фотограф С.И. Руденко
1909–1910

1705-100 (с. 91); 1705-104 (с. 88 вверху), 1705-109 (с. 70
внизу), 1705-120 (с. 37 вверху справа), 1705-20 (с. 40–41),
1705-27 (с. 49), 1705-28 (с. 45), 1705-78 (с. 47), 1705-29
(с. 48 вверху), 1705-30 (с. 44 внизу), 1705-42 (с. 43 слева),
1705-43 (с. 43 справа), 1705-47 (с. 60 слева), 1705-49 (с. 61),
1705-53 (с. 26–27), 1705-60 (с. 70 вверху), 1705-61 (с. 54),
1705-85 (с. 55), 1705-52 (с. 58 вверху), 1705-62 (с. 32–33),
1705-73 (с. 29 внизу), 1705-81 (с. 36), 1705-82 (с. 52–53),
1705-98 (с. 80), 1755-21 (с. 64); 1837-10 (с. 2–3), 1837-5
(с. 31 вверху).

КОЛЛЕКЦИЯ 1706

Тобольская губерния, Березовский уезд. Ханты
Фотограф С.И. Руденко
1909–1910

1706-103 (с. 92–93), 1706-107 (с. 94 вверху), 1706-109
(с. 94 внизу), 1706-119 (с. 74–75), 1706-121 (с. 77 справа),
1706-122 (с. 88 внизу), 1706-124 (с. 87), 1706-125 (с. 77
слева), 1706-13 (с. 44 вверху), 1706-136 (с. 76), 1706-137
(с. 81 справа), 1706-139 (с. 24–25), 1706-140 (с. 84),
1706-141 (с. 82), 1706-145 (с. 83), 1706-148 (с. 85), 1706-15
(с. 46 внизу), 1706-173 (с. 68 слева), 1706-22 (с. 48 внизу),
1706-34 (с. 46 вверху), 1706-39-1 (с. 42), 1706-45 (с. 56–57),
1706-48 (с. 69 справа), 1706-50 (с. 62–63), 1706-51 (с. 65),
1706-56 (с. 28), 1706-60-2 (с. 69 слева), 1706-67 (с. 56),
1706-71 (с. 58 внизу), 1706-72 (с. 31 внизу), 1706-84 (с. 34
вверху справа), 1706-75 (с. 71), 1706-76 (с. 73), 1706-80
(с. 22–23), 1706-88 (с. 37 слева), 1706-62 (с. 38), 1706-91
(с. 50–51), 1706-98 (с. 29 вверху).

КОЛЛЕКЦИЯ 1834

Тобольская губерния, Березовский уезд. Ханты
Фотограф И. Стариков
1909

1834-3 (с. 59 вверху), 1834-5 (с. 95).

КОЛЛЕКЦИЯ 1836

Тобольская губерния, Березовский уезд. Манси
Фотограф И. Стариков
1909

1836-2 (с. 35), ТД784-15 (с. 86–87).

КОЛЛЕКЦИЯ 2634

Граница Пермской и Тобольской губерний,
Верхотурский и Чердынский уезды. Манси
Фотограф И.К. Зеленов
1908

2634-16 (с. 79), 2634-19-3 (с. 78 внизу), 2634-29
(с. 81 слева), 2634-30-1 (с. 90), 2634-32 (с. 57), 2634-34
(с. 59 внизу), 2634-37-2 (с. 37 внизу слева), 2634-39-1-2
(с. 34 внизу слева), 2634-41-2 (с. 34 внизу справа),
2634-42 (с. 34 вверху слева), 2634-45 (с. 72),
26-43-3 (с. 38).

КОЛЛЕКЦИЯ 3947

Тобольская губерния. Ханты
Фотограф Г.Н. Городков
1915

3947-23 (с. 60 справа), 3947-30 (с. 78 вверху).

КОЛЛЕКЦИЯ 5023

Уральская область, Тобольский округ
Фотограф Е.П. Евладов
1927

5023-1 (с. 30).

INDEX OF HISTORICAL PHOTOGRAPHS

COLLECTION 1705, 1755, 1837

Tobolsk Gubernia, Beryozovo Uyezd. Mansi
Photographer S.I. Rudenko
1909–1910

1705-100 (p. 91); 1705-104 (p. 88 top), 1705-109 (p. 70 bottom), 1705-120 (p. 37 bottom right), 1705-20 (p. 40–41), 1705-27 (p. 49), 1705-28 (p. 45), 1705-78 (p. 47), 1705-29 (p. 48 top), 1705-30 (p. 44, bottom), 1705-42 (p. 43 left), 1705-43 (p. 43 right), 1705-47 (p. 60 left), 1705-49 (p. 61), 1705-53 (pp. 26–27), 1705-60 (p. 70 top), 1705-61 (p. 54), 1705-85 (p. 55), 1705-52 (p. 58 top), 1705-62 (pp. 32–33), 1705-73 (p. 29 bottom), 1705-81 (p. 36), 1705-82 (p. 52–53), 1705-98 (p. 80), 1755-21 (p. 64); 1837-10 (pp. 2–3), 1837-5 (p. 31 top).

COLLECTION 1706

Tobolsk Gubernia, Beryozovo Uyezd. Khanty
Photographer S.I. Rudenko
1909–1910

1706-103 (p. 92–93), 1706-107 (p. 94 top), 1706-109 (p. 94 bottom), 1706-119 (pp. 74–75), 1706-121 (p. 77 right), 1706-122 (p. 88 bottom), 1706-124 (p. 87), 1706-125 (p. 77 left), 1706-13 (p. 44 top), 1706-136 (p. 76), 1706-137 (p. 81 right), 1706-139 (p. 24–25), 1706-140 (p. 84), 1706-141 (p. 82), 1706-145 (p. 83), 1706-148 (p. 85), 1706-15 (p. 46 bottom), 1706-173 (p. 68 left), 1706-22 (p. 48 bottom), 1706-34 (p. 46 top), 1706-39-1 (p. 42), 1706-45 (pp. 56–57), 1706-48 (p. 69 right), 1706-50 (p. 62–63), 1706-51 (p. 65), 1706-56 (p. 28), 1706-60-2 (p. 69 left), 1706-67 (p. 56), 1706-71 (p. 58 bottom), 1706-72 (p. 31 bottom), 1706-84 (p. 34 top right), 1706-75 (p. 71), 1706-76 (p. 73), 1706-80 (p. 22–23), 1706-88 (p. 37 left), 1706-62 (p. 38), 1706-91 (pp. 50–51), 1706-98 (p. 29 top).

COLLECTION 1834

Tobolsk Gubernia, Beryozovo Uyezd. Khanty
Photographer I. Starikov
1909

1834-3 (p. 59 top), 1834-5 (p. 95),

COLLECTION 1836

Tobolsk Gubernia, Beryozovo Uyezd. Mansi
Photographer I. Starikov
1909

1836-2 (p. 35), ТД784-15 (pp. 86–87).

COLLECTION 2634

Border of Perm and Tobolsk Gubernias, Verkhotersk
and Cherdyn Uyesds. Mansi
Photographer I.K. Zelenov
1908

2634-16 (p. 79), 2634-19-3 (p. 78 bottom), 2634-29 (p. 81 left), 2634-30-1 (p. 90), 2634-32 (p. 57), 2634-34 (p. 59 bottom), 2634-37-2 (p. 37 bottom left), 2634-39-1-2 (p. 34 bottom left), 2634-41-2 (p. 34 bottom right), 2634-42 (p. 34 top left), 2634-45 (p. 72), 26-43-3 (p. 38).

COLLECTION 3947

Tobolsk Gubernia. Ханты
Photographer G.N. Gorodkov
1915

3947-23 (p. 60 right), 3947-30 (p. 78 top)

COLLECTION 5023

Ural Region, Tobolsk District
Photographer Ye.P. Yevladov
1927

5023-1 (p. 30),

ДВЕ ЮГРЫ
TWO YUGRAS

Проект «Разная земля». Том III

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15